…ративное издательство „Жизнь и Знание".
…осква, Лубян… …й пасса… помещ. 52. Телефон 5-04-51.

В. ВОРОБЬЕВ

ДВА ЛЕЙТЕНАНТА

РЕВОЛЮЦИОНЕР — ШМИДТ И ЕГО ПАЛАЧ — СТАВРАКИ

К 20-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА)

МОСКВА — 1926 г.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“
Москва, Лубянский пассаж, пом., 52. Тел. 5—04—51

Библиотека документов, записок и воспоминаний. Кн. 24-ая.

В. ВОРОБЬЕВ.

ДВА ЛЕЙТЕНАНТА

РЕВОЛЮЦИОНЕР—ШМИДТ И ЕГО ПАЛАЧ—СТАВРАКИ

К 20-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА)

МОСКВА 1926 г.

Отпечатано в типографии
„КРАСНЫЙ ПЕЧАТНИК“
„Мосполиграфа“, Армянский 6. Тираж 3000 экз.
Главлит № 55828.

Два лейтенанта.

Петр Петрович Шмидт.

17 октября 1905 года, когда революционная борьба в России достигла высшей точки напряжения—остановились фабрики, заводы, железные дороги, прекратили работу почта и телеграф—Николай II-й обнародовал исторический манифест с пятью „свободами".

Манифест этот не явился неожиданным подарком, „царской милостью" измученному, залитому кровью, задавленному солдатскими сапогами и забитому казацкими нагайками, исстрадавшемуся русскому трудовому люду.

Жестокий урок, данный царизмом 9 января всему рабочему классу, этот день расстрела у Зимнего дворца мирной манифестации петербургских рабочих, пришедших туда под влиянием речей попа Гапона, просить „у царя-батюшки" защиты от произвола,—этот кровавый день научил трудящихся уже не просить, а требовать.

Эти требования, подкрепленные крестьянскими волнениями и рабочими забастовками, испугали самодержавие, а через несколько дней после знаменитого приказа Трепова „патронов не жалеть и холостых залпов не давать"—Николай Кровавый „счел за благо" „даровать" свободы.

В эти тревожные и жуткие дни в настроении общественных умов взбаламученной России еще была крепка вера в бескровную победу над самодержавием, в торжество разума над жесточайшим произволом, крепка была надежда на мирный исход борьбы между народом и защитниками царского трона.

Такой восторженной верой, такой радостной надеждой, в числе прочих городов российских, жил и Севастополь—

колыбель Черноморского революционного флота,—устроивший на второй день после обнародования „свобод“ торжественную манифестацию у тюрьмы.

В ликующую, безоружную толпу матросов, солдат и рабочих, участвовавших в манифестации—были направлены винтовки. Загремели выстрелы, поразившие на-смерть восемь человек; застонали раненые.,.

И в то время, когда ко всесильному Витте посыпались многочисленные телеграммы протеста севастопольских граждан против жестокой и зверской расправы,—герою расстрела беззащитной толпы, взводному унтеру генерал Каульбарс [1]) об'являет свое „спасибо“ и дарит серебряные часы с надписью „за доблестное поведение“.

Так верные слуги самодержавия выполняли царский манифест...

Расстрелянных рабочих хоронит весь трудящийся Севастополь. Прах засыпают землей... Раздается взволнованная речь городского головы... Затем водворяется гробовая тишина... Все кончено... Свеже насыпанный могильный холм—единственный символ протеста против торжествующей кровожадной реакции...

И вот, в этот решающий момент, когда замершая у братской могилы толпа молча переживает всю трагедию кровавой расправы, когда у каждого в душе клокочет, ища выхода, горячая волна негодования, когда каждым чувствуется потребность высказаться, но не каждый может свое настроение выразить в словах, ибо для того, чтобы выразить всю боль, нужно „ударить по сердцам с неведомою силой“,—у могилы появляется лейтенант Петр Петрович Шмидт.

До сих пор почти никому неизвестный, скромный флотский офицер превращается в народного трибуна, произносит речь—„клятву“—облетевшую всю Россию:

„... Клянемся в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав“—спокойным торжественным голосом, проникновенно говорит оратор, подняв обе руки, как бы призывая само небо в свидетели этой могучей клятвы“.

---

[1]) Командующий войсками Одесского военного округа в 1905 г.

„... Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение свободы нашей".

„... Клянемся им в том, что свою свободную общественную работу—мы всю отдадим на благо рабочего неимущего люда"...

„... Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем родные, свободные братья великой, свободной России"...

— "Клянусь!"—вдохновенно говорит оратор.

— „Клянусь!"—повторяет за ним многотысячная толпа"...

Эта клятва над могилой жертв николаевской „свободы" становится заповедью для каждого революционера того времени. Ее печатают во всей революционной прессе, ее заучивают наизусть.

С этого момента имя Шмидта на устах всей революционной России.

... В этот же вечер лейтенант Шмидт был арестован. Так верноподданный слуга самодержавия адмирал Чухнин [1])—впоследствии „герой" подавления восстания Ченоморского флота—ответил на призыв первого революционного офицера—охранять завоеванную народом свободу.

А севастопольские рабочие ответили на арест избранием Шмидта своим „пожизненным депутатом"...

Историческая роль лейтенанта П. П. Шмидта в революционных событиях 1905 года начинается с этого торжественного момента.

Дальнейшая его жизнь и славная, героическая смерть подтвердили, что Шмидт был настоящим, подлинным революционером—и на словах, и на деле.

Его личность приобретает еще большее значение потому, что к революции он пришел из чуждой трудящемуся классу офицерской среды—главного оплота самодержавия.

Революционное движение знает такие отдельные эпизоды (декабристы, народовольцы), когда из этой среды выходили на борьбу против самодержавия лучшие ее пред-

---

[1]) Командующий Черноморским флотом в 1905 г.

ставители, шли на эшафот, в каторгу, ссылку. Но эти исторические примеры не умаляют всего значения выдающейся личности П. П. Шмидта, ибо ему первому выпала славная честь вести эту борьбу не в одиночестве, не с кучкой интеллигенции, а рука-об-руку с рабочим классом, с матросской и солдатской революционными массами.

В эпоху 1905—6 года офицеры-революционеры насчитывались десятками, а во всем Черноморском флоте только единицами.

Можно смело сказать, что лейтенант Шмидт был в Черноморском флоте первым революционным офицером, который пользовался огромным доверием среди матросов.

Революционер, простой, искренний и честный, он без страха и колебаний, когда это понадобилось, стал во-главе восстания, заранее зная, что оно будет подавлено. В силу протеста против готовившейся царскими слугами кровавой расправы, он принял командование восставшим флотом и до самого последнего момента не сходил с борта разрушенного канонадой „Очакова“.

Чтобы хоть отчасти нарисовать характеристику этого выдающегося героя-революционера, воскресить обстановку ноябрьского восстания Черноморского флота, приведем некоторые выдержки из воспоминаний о нем его сестры А. П. И. [1]), ибо без этих правдивых строк о П. П. Шмидте цель настоящей книги была бы не достигнута.

„4 ноября,—пишет А. П.,—брат был освобожден из-под ареста, после опубликования в газетах множества протестов и требований его освобождения, покрытых тысячами подписей. После своего освобождения он обратился с горячим приветом ко всем своим друзьям. Во всех революционных газетах можно было прочесть его телеграмму:

„Спасибо, товарищи, я снова в ваших славных рядах“.

Однако, адмирал Чухнин прислал Шмидту секретное предписание—не появляться нигде на собраниях, иначе он будет арестован и предан суду, как нарушивший дисциплину воинский чин. Находчивое начальство, не желая обвинять Шмидта по 125 ст. (амнистированной „свободами“), угрожает ему всей строгостью военно-морских законов.

[1]) „Лейтенант П. П. Шмидт“.—Воспоминания сестры—2-е издание, РИО Морского Ведомства, Ленинград, 1923 г.

В эти дни, а также в дни ареста на броненосце „Три святителя“, П. П. не сидит сложа руки. Он пишет письмо за письмом в революционную прессу, в которых излагает свой политический символ веры, свои взгляды на революционные события.

У него нет определенно сложившегося политического мировоззрения, которое могло бы привести его в ряды той или иной партии, он не согласен с тактикой существующих партий (с.-р., с.-д.).

— „Законы общественной эволюции настолько сложны и так мало выяснены наукой—говорит, м. пр., Шмидт—что работа активного социалиста должна исходить не из заранее предрешенной тактики, а из беспрерывного, пристального наблюдения действующих общественных сил“. Он мечтает создать какую-то великую Всероссийскую партию социалистов-работников, которая должна будет „вырабатывать меры, согласованные с наличием тех или иных общественнных факторов, к безболезненному и быстрому переходу России к социалистическому строю“...

Но если П. П. Шмидт не разделял в то время определенной политической программы, то все же его убеждения не являлись поверхностным, модным увлечением „политикой“, как у большинства либеральной интеллигенции того времени, а сложились в процессе долгой, упорной работы любознательного и критически разбирающегося в событиях и общественных отношениях пытливого ума.

П. П. не мог оставаться равнодушным к царившему произволу, с ранних лет этот честный и прямодушный человек возненавидел старый строй, покоившийся на рабстве и насилии, и со всею пылкостью юного, оскорбленного несправедливостью сердца примкнул к освободительному движению и стал изучать „с лихорадочной поспешностью“ общественные науки.

„Я с очень молодых лет был горячим сторонником социалистической формы общественности,—говорит П. П. в своих записках, переданных сестре,—но это были только идеалы молодости, они опирались только на требования правды и справедливости в людских отношениях“.

„То было в тяжелые восьмидесятые годы репрессий и пыток, которые уносили жертву за жертвой. Много лучших русских людей было замучено тогда. Мученическая смерть их увеличивала число борцов за освобождение родины и озлобляла души оставшихся, вызывая террор. Во мне лично каждая мученическая смерть вызывала горе и стремление скорее набраться знаний, учиться, чтобы скорее стать в их ряды не солдатом, а полезным офицером. Я чувствовал себя способным к этому и продолжал читать с лихорадочной поспешностью, переходя от одной области знаний к другой. Так на войне спешит вооружиться солдат, слыша выстрелы и сознавая, что бой начался и что товарищи падают под сильными ударами противника“...

— „Тот, кому дана способность страдать за других и логически мыслить, кто пристально изучал общественные науки,—тот убежденный социалист“,—так говорит в другом месте своей рукописи П. П. Шмидт.

13 ноября, несмотря на запрещение адмирала Чухнина, П. П. появляется на митинге, сорганизованном на бульваре. Здесь он призывает к подготовке новой всероссийской забастовки, которую он считал самым верным и сильным средством для завоевания свободы. Он намеревался выехать на следующий же день в Одессу для подготовки забастовки торгового флота. „От‘езд был назначен на 14-е, но не состоялся, так как ночью к Шмидту пришли делегаты матросов и солдат и просили его остаться в Севастополе, говоря, что он один может спасти их и предотвратить гибель многих сотен человеческих жизней. Он им дал слово, что он остается в Севастополе и в Одессу не едет“.

Шмидт сдержал свое слово. Узнав, что адмирал Чухнин об‘езжает эскадру и разоружает суда и что полевая артиллерия окружила на берегу восставшие матросские казармы (экипаж), Шмидт днем 14-го ноября едет на „Очаков“, вместе с депутатами-матросами.

„Когда я вступил на палубу „Очакова“, — пишет позднее Шмидт своей сестре,—то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безбронного, с машиной, которая едва могла дать 8 узлов ходу, и без артиллерии, так как имелось всего две рукоятки

от 6 орудий, остальные орудия действовать не могли. Я понимал всю беспомощность этого крейсера, неспособного даже к самообороне, а не только к наступательным действиям, неспособного даже уйти от опасности.

Эскадра же, большинством своих матросов сочувствовавшая и казармам и „Очакову“, была разоружена до моего приезда на „Очаков“, стало быть, и тут нельзя было ждать никакой боевой силы, нужной для вооруженного сопротивления. В казармах тоже почти не было оружия, что мы знали.

Но я знал, что не дольше как завтра будет начата бойня, открыт артиллерийский огонь по казармам, знал, что это страшное злодеяние уже подготовлено, что беда неминуемо стрясется и унесет много неповинных жизней, и это сознание не позволяло мне покинуть эту горсть вооруженных людей, которая была на „Очакове“ и категорически была готова, хотя бы пассивно, одним поднятием красного флага протестовать против ожидавшегося массового убийства...

...Что же давало нам убеждение в необходимости и полезности нашего протеста, что делало нас восторженными и верующими, когда все кругом было так безнадежно и бессильно?.. В чем была наша сила, идущая, как казалось, вразрез с здравым смыслом?..—говорит далее П. П. в письме: „Сила эта была в глубоком, проникавшем все мое существо и тогда и теперь сознании, что с нами бог, что с нами русский народ. Да, с нами русский народ, весь, всею своею стомиллионной громадой. Он, истощенный, изнемогающий, изрубцованный казацкими нагайками, он, этот народ с засеченными стариками и детскими трупами, как страшный призрак нечеловеческих страданий, простирал ко мне руки и звал...

...Часть этого народа, лучшая, молодая и самоотверженная, находилась у нас на глазах, в казармах экипажей, там были сыновья и мужья тех обездоленных деревенских людей, и против них наши представители спасающей себя бюрократической власти уже направили свои пушки“...

А. И. приводит рассказ инженера-механика В., бывшего очевидца событий. Вот что он рассказывает.

„Стоя на палубе „Дуная“, он видел, как прибыл на „Очаков“ Шмидт... Там не смолкая гремело „ура“. Депутаты-матросы из морских казарм сносились с „Очаковым“ сигналами. Поддерживалось усиленное сообщение казарм и города с „Очаковым“. Ночью с 14 на 15 ноября присоединились к Шмидту минный крейсер „Гридень“, два контр-миноносца „Заветный“ и „Свирепый“ и три нумерных миноносца №№ 265, 268 и 270.

В 8 часов утра 15 ноября на „Очакове“ под звуки оркестра было поднято громадное красное знамя и сигнал:

„Командую флотом. Шмидт“.

Одновременно были подняты красные флаги в дивизии, в казармах и на миноносцах.

Остальная эскадра к мятежу не присоединилась.

Видя это, Шмидт перешел на миноносец „Свирепый“ и при звуках игравшего на нем оркестра и кликах „ура“ пошел вдоль линии судов, громко призывая эскадру присоединиться к нему.

Лейтенант Шмидт проходил на контр-миноносце „Свирепый“ вдоль судов эскадры... Слышно было, как Шмидт громко звал за собой матросов и офицеров всех кораблей. Проходя вдоль эскадры малым ходом и так близко от судов, что, нагнувшись с борта, можно было, казалось, коснуться его и что каждую секунду он мог быть убит первым револьверным выстрелом—он стоял один на командирском мостике эскадренного миноносца „Свирепый“...

Ярко выделялась эта одинокая фигура с высоко поднятой головой, без фуражки, которую он держал в руке, с развевающимися волосами, простиравший руки к судам, мимо которых проходил миноносец.

Громко и отчетливо звенели и далеко разносились его вдохновенные призывы...

В ответ лишь с „Потемкина“ раздавалось „ура“.

Пройдя всю линию судов эскадры, Шмидт пристал к трапу учебного судна „Прут“, на котором содержались тогда арестованные „потемкинцы“, и, арестовав офицеров, освободил всех заключенных. Освобожденные были доставлены Шмидтом на „Очаков“, где их встретили кликами „ура“.

Подходя к броненосцу „Потемкин“, Шмидт арестовал всех его офицеров, перевел их на „Свирепый“ и поднял красный флаг на „Потемкине“.

В то же время был поднят красный флаг на минном крейсере „Гридень“, канонерской лодке „Уралец“ и на транспорте „Прут“.

А потом... провокаторский выстрел канонерской лодки „Терец“... Залпы „Ростислава“... Измена крепостной артиллерии... сигнал Шмидта:

— „Возмущен действием эскадры“.

И в ответ ему небывалый ураганный огонь всех броненосцев и крепости против „Очакова“...

„Очаков“ горел... Люди бросались в воду... Заложники офицеры, воспользовавшись смятением команды, подняли на несколько мгновений белый флаг—скатерть, но сейчас же он был спущен и вновь был поднят красный, который оставался до конца.

Спасавшихся вплавь расстреливали из пулеметов... Тех, кому удавалось подплыть к берегу, где стояли войска, добивали прикладами... спаслись только очень немногие...

Шмидт оставался на „Очакове“ до конца.

В бессознательном состоянии он был подобран из воды кем-то из „своих“ и поднят на миноносец № 270.

Обстрел продолжался... В миноносец попал 11-ти дюймовый снаряд. Он остановился. Шмидт с сыном был арестован и взят на „Ростислав“.

На „Ростиславе“, по словам самого П. П. Шмидта, ему приготовили жестокую встречу. Старший офицер лейтенат Карказ неистово кричал:

— А, вот он, командующий флотом, вот он, сволочь эта, тащите эту сволочь“...

Поместили его в каюте с открытой дверью, без коек, бросили на пол один узенький пробочный матрац. Шмидт, полураздетый, после морского „купанья“, бился в ознобе, у дверей глазела любопытная толпа, не давали ни чаю, ни еды... Так мучили три дня, не давали даже умыться. Лицо П. П. было закопчено дымом после пожара на „Очакове“. В результате— он заболел...

Так встретила П. П. доблестное офицерство Черноморского флота после расстрела „Очакова“.

До суда, более трех месяцев, П. П. вместе с 16-летним сыном (освобожденным в конце декабря) содержался на острове морской батареи близ „Очакова". Безлюдный, мрачный островок... Придавленные к земле, однообразные серые постройки-казематы. Везде одни орудия и застывшие около них часовые. Ни одной живой души... Из каземата заключенный видел только море...

Все время заключения П. П. выказал удивительное спокойствие и самообладание, которые не покидали его до последних минут его жизни.

Над Россией в это время, тут и там, вспыхивали молнии революции. Крестьянские волнения, забастовки рабочих прокатились по всей необ'ятной стране могучей революционной волной. Самодержавие заливало кровью страну репрессии становились все более и более жестокими. Царь ежедневно сотнями подписывал смертные приговоры. Но в этом вихре событий о судьбе Шмидта не забывал. „Когда будет покончено с этим изменником?" вот вопрос, с которым Николай не раз обращался к морскому министру Бирилеву. Благодаря этому „участию" Николая, дело лейтенанта Шмидта и трех его товарищей—матросов С. П. Частника, А. Г. Гладкова и Н. П. Антоненко и небольшой группы „очаковцев" было выделено из общего дела восстания многих тысяч солдат и матросов, и 7-го февраля в гор. Очакове состоялся военно-морской суд над ними. Суд был подобран таким образом, что в его состав входили командиры тех судов, которые расстреливали „Очаков". Понятно, что участь Шмидта была предрешена. 10 дней продолжалась эта гнусная комедия „правосудия". В последнем слове подсудимого, П. П. Шмидт сказал историческую фразу:

— „Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву...

Позади, за спиной, у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую обновленную, счастливую Россию...

Высокая радость и счастье наполняют мне душу, и я приму смерть"...

Речь П. П. на суде была так сильна, так убедительна, что даже заплакал „человек с каменным сердцем“—председатель суда полковник Александров, а солдаты—конвойные, слушая подсудимого, забыли, кого охраняют и отставили ружья...

Все общественное мнение было на стороне обвиненного нелепым царским законом, вся Россия с затаенным дыханием ждала помилованья Шмидта ибо еще и тогда у некоторых слепцов не была поколеблена вера в „монаршую милость“, даже сам Витте, этот самый мудрый, лукавый и дальновидный из придворных, ходатайствовал о помиловании „этого безумца“—но Николай II-ой настоял на выполнении приговора—и, может быть, в этом акте „правосудия“ народ впервые увидел трусливую, испуганную рожу „божьего помазанника“, приведшего в движение всю государственную машину и весь флот в боевую готовность для казни четырех революционеров.

На казнь П. П. Шмидт шел так же спокойно, как и на суд.

И суждено было, чтобы этот кровавый приговор над ним совершил его школьный товарищ—другой лейтенант, Михаил Ставраки—старший офицер канонерской лодки „Терец“...

Лейтенант М. Ставраки.

Там, где кончается история героической жизни и смерти лейтенанта Петра Петровича Шмидта, начинается история гнусной, подленькой жизни лейтенанта Михаила Ставраки...

Так уже суждено, чтобы вслед за всем великим, светлым и героическим, плелось мелкое, будничное, жалкое и отвратительное. Словно для контраста жизнь создает этот черный фон, на котором еще ярче и величественнее вырисовываются светлые краски.

В воспоминаниях А. И. о П. П. Шмидте есть такое место.

После казни Шмидта сестра разыскивала тело казненного. Ей посоветовали с‘ездить на канонерскую лодку „Терец“. Здесь произошла такая встреча:

„В кают-кампанию—рассказывает А. И.—вошел какой-то офицер. На нем лица не было... Этот человек был старший офицер „Терца“ Михаил С...

— Войдите в мое положение, меня назначили, я не мог отказаться... Но, подумайте, я знал Петю с двенадцати лет. Мы вместе с ним учились в морском училище... я любил его...—и он зарыдал...

Вся сбивчивая речь прерывалась рыданиями.

— Когда Петя вышел на Березань и проходил к месту казни, он прошел близко около меня,.. Я снял фуражку и низко ему поклонился... Он на меня не сердился,—говорил рыдая этот несчастный человек...—Он очень ласково ответил мне на поклон... перекрестил меня... и, проходя мимо, сказал:

— „Миша, кланяйся сестре и прикажи целить прямо в грудь“.

С. говорил все это в страшном волнении, все время прерывая свой рассказ рыданиями или растерянно обращаясь ко мне.

— А. П., вы не волнуйтесь... Пожалуйста, прошу вас“—хотя я сидела тихо и не плакала,—все омертвело у меня в душе...“

Старший офицер „Терца“ Михаил С. был никто иной, как лейтенант, впоследствии капитан второго ранга—Михаил Ставраки, сын адмирала, оставшийся „верой“ и „правдой“ служить „его императорскому величеству“. Типичная фигура морского офицера того времени.—М. Ставраки так же спокойно руководил расстрелом своего школьного товарища П. П. Шмидта, как незадолго перед этим отдавал приказания канонерской лодке „Терец“, которой командовал,—стрелять по восставшему Черноморскому флоту.

Всю эту расправу он об‘яснял очень просто: „меня назначили, я не мог отказаться—долг, дисциплина“...

И, может быть, впервые проснулась и заговорила совесть, когда увидел труп, а потом—подавленную горем, осиротевшую сестру...

Сотни и тысячи этих Ставраки, верных царских холопов, составляли весь огромный механизм тупой, чудовищной машины российского самодержавия, тяжелые колеса кото-

рой сотни лет катились по русским необ'ятным равнинам, сметая все живое и революционное, попирая право и справедливость, устилая путь „его величеству" раздробленными черепами его бунтовавших рабов. При помощи этих Ставраки царское правительство вешало, расстреливало, отрубало головы, ссылало на каторгу, пороло нагайками и выворачивало внутренности штыками сотням тысяч трудящихся, осмелившихся на революционный порыв. Сжигало целые деревни, разрушало в прах рабочие поселки, посылало на бесчисленные фронты.

Нужно было так повернуться колесу истории, что тяжелая кровавая работа палачей не осталась безнаказанной,—многие из них получили по заслугам от восставшего народа, так же как их „благодетель-самодержец", трон которого они так ревностно охраняли.

Но некоторые из них сумели удержаться на гребне революционной волны в виде отвратительной грязной пены. Сумели даже втереться в ряды борцов, „примкнули" к движению, спрятав свою гнусную, отвратительную физиономию под притворной личиной „друзей революции", и так-же стали „по долгу" и „дисциплине" служить новому режиму, как когда-то старому—конечно, „до поры до времени", надеясь, что, может быть, колесо истории повернется обратно.

На этот раз колесо не повернулось. А утихомирившиеся волны начали выбрасывать грязную, присосавшуюся пену вон, на берег революционного прабосудия...

И Ставраки предстал перед судом рабоче-крестьянской революции, чтобы через 17 лет дать ответ за свое тяжелое, гнусное преступление.

Ниже, в брошюре, мы излагаем ход суда над Михаилом Ставраки, происходившего в гор. Севастополе 1—3 апреля 1923 года, в клубе имени П. П. Шмидта (быв. Морское собрание).

Для полноты картины, автор этих строк, реферировавший процесс для прессы, помещает ниже отчет о процессе в его последовательном развитии и приводит впечатления-наброски [1]) из зала суда.

---

[1]) Напеч. в газ. „Маяк Коммуны", г. Севастополь, в апреле 1923 г.

Настоящий процесс, несомненно, имеет большое историческое значение. Печатаемые материалы, кроме общественного интереса к ним рядового читателя, вряд ли своевременно ознакомившегося со всеми подробностями этого процесса, также могут пригодиться и для будущего безпристрастного историка событий 1905 года. Теперь, через 20 лет, мы уже имеем довольно обширную литературу, но еще нет большого систематизированного труда, подробно и об'ективно освещающего ход событий, которые еще ждут своего исследователя.

Суд над Ставраки.

Первый день процесса.

Впечатления.

Сегодня в клубе имени революционера Шмидта—исторический день.

Там, на сцене, революционный суд судит одного из участников этого кровавого дела, „друга“ погибшего — Мих. Ставраки.

„Друг“. Мог ли честный борец за будущую свободную Россию иметь такого друга, как Ставраки?

А ведь это слово —„друг“—упрямо повторяет подсудимый.

Обвинительное заключение, показания на суде подсудимого в первый день процесса переносят мысленно к этому великому историческому моменту, когда восстал Черноморский флот.

И еще рельефнее, еще ярче и чеканнее на этом фоне революционного движения вырисовывается личность вождя—П. П. Шмидта.

Лейтенант флота—Шмидт, товарищ по школьной скамье Ставраки, в одном чине с ним, в одном флоте служат...

Но—какая колосальная разница между ними!

Первый—революционер, простой, искренний и честный. Без рисовки. Без фразы. Даже не партийный человек. Но предан делу революции, любит Россию, по-своему ее любит, горячо и крепко, не так, как Ставраки и ему подобные. Революционная волна поднимает его наверх, и

он становится вождем—без колебаний, сомнений, уверенный в правоте общего дела.

— „Командую флотом. Шмидт“. Это был первый сигнал с „Очакова“, краткий и красноречивый.

Восстание подавлено. Суд. На суде Шмидт говорит ясно и просто:

— „Не гражданин Шмидт, не кучка восставших матросов перед вами, а стомиллионная Россия, и ей вы выносите свой приговор“.

Остров Березань. Четыре столба. К этим столбам Шмидт идет медленно и спокойно. Винтовки в упор. Залп—и лучшего человека-гражданина не стало.

Первый революционный офицер Черноморского флота погиб за стомиллионную угнетенную Россию.

А Ставраки и ему подобные? Они продолжали служить „его императорскому величеству“, участвовали или были свидетелями гнусных расправ с революционерами, получали чины, награды и, в ослеплении своем, не видели, что старая Россия подточена до основания, сгнила.

А новая—молодая революционная Россия—уже народилась, осознала себя.

И через одиннадцать лет вынесла свой суровый приговор царю, его начальникам и прислужникам.

Ставраки, однако, остался жив.

Он ведь не считает себя палачом. Он говорит о себе как о честном и идейном „человеке с легким сердцем“, он примирился с новым „положением вещей“, срывает погоны и уже выборный командир, даже член Райкомвода, а потом—РКП.

Ставраки, сам по себе, вне процесса,—типичная фигура.

Старый кадровый офицер, повидимому, любивший хорошо пожить, получивший блестящее образование, бывший в дальнем плавании, с большим послужным списком, интеллигентный, развитой.

В обвинительном заключении один из свидетелей показывает, что—„офицерство отзывалось о Ставраки, как о добром человеке, а Шмидта это же офицерство бранило“.

Свидетель говорит мягко: может быть—и ненавидело. Это нам понятно. Мы почти всегда в других любим самих себя, а ненавидим людей, резко нам противоположных.

Любовь офицеров—вполне понятна. Любовь же матросов к Ставраки малодоказательна. Когда его переизбирали в командиры после октября—может быть, матросы не были враждебно к нему настроены (что-ж, служака был хороший), но о любви здесь трудно говорить.

Офицеры не любили Шмидта, он их видимо дарил тем же чувством, а вот к Ставраки он относился—„как к другу".

И этому как-то трудно поверить. Какую дружбу питал к такому ничтожному, мелкому человеку, рыцарю послужного списка, первый рыцарь революции?

Ничего общего нет между ними. И этой дружбы не могло быть.

Или уж такова была личная трагедия этого героя-революционера, что во всей этой толпе блестящих мундиров лучшим из всех оказался

— Ставраки.

Кто же был Ставраки?

В 1905—6 году в России были две группы офицерства—одна, очень-очень маленькая, это—та, которая выдвинула в герои революции скромного и преданного стомиллионному народу лейтенанта П. П. Шмидта, и та, большая, инертная, боязливая, трусливая и кровожадная, преданная царизму за чины, награды и ордена,—из среды которой ныне предстал перед судом лейтенант Ставраки.

В зале суда.

Зал клуба имени Шмидта переполнен. Караул несет отряд моряков. Часовые еле сдерживают толпу у входа.

На сцене длинный, покрытый красной материей, стол—за ним поместился суд. По бокам места для обвинителя и защиты. Позади защиты мягкое кресло приготовлено для подсудимого.

Сверху, над рампой, на публику смотрит вдумчивым, грустным взглядом красный командир Черноморского флота революционер- мученик П. П. Шмидт, имя которого сегодня у всех на устах, ибо в зале суда, здесь, в клубе имени революционера-героя, сегодня судят одного из участников его расстрела - Мих. Ставраки.

Севастопольским рабочим, морякам Черноморского флота имя лейт. Шмидта дорого и священно, и поэтому впол-

не понятно, что зал судебного заседания—внимательная настороженная аудитория.

Около 1 часа дня начинается судебное заседание.

За столом суда выездная сессия военной коллегии Верховного Суда Республики: председатель тов. Ульрих, члены т. т. Никифоровский и Севастьянов. Со стороны обвинения—председатель военно-транспортной коллегии Верховного Суда т. Межин, со стороны защиты—правозащитники тов. Портнов и Зильберман.

Вводят обвиняемого—Мих. Ставраки, 56 лет, бывшего дворянина, сына контр-адмирала, капитана 2-го ранга и проч. и проч.

Подсудимый держится спокойно, говорит хладнокровно, иногда с оттенком иронии, попыткой на остроту.

Суд оглашает обвинительное по делу Ставраки заключение.

Обвинительное заключение.

Обвинительное заключение по делу Ставраки начинается так: 1906 года 6 марта (по ст. стилю), в 7 часов утра, на острове Березань, по приговору севастопольского военно морского суда были расстреляны четыре участника восстания моряков Черноморского флота: Петр Петрович Шмидт, Александр Григорьевич Гладков, Никита Петрович Антоненко и Сергей Петрович Частник".

Далее излагается в точных чертах история революционного движения в Черноморском флоте в ноябре 1905 года.

Восстание подавляется. Шмидт и остальные участники—перед судом.

На суде Шмидт заявляет: „не гражданин Шмидт, не кучка воставших матросов перед вами, а стомиллионная Россия,— и ей вы выносите свой приговор".

В составе судов, принимавших участие в подавлении мятежа, находилась и канонерская лодка „Терец", старшим офицером которой был лейтенант Михаил Ставраки, который по положению являлся заместителем командира лодки,

Во время подавления восстания первый выстрел по катеру „Удалец"—участнику восстания был дан с „Терца".

На предварительном следствии Ставраки показал, что „Терец" в момент восстания Черноморского флота лишь отвечал на выстрел буксирного парохода „Пригодный", что отвергается показаниями одного из свидетелей - Мартыненко.

Далее в показаниях Ставраки устанавливаются явные противоречия: приказ командира „Терец" открыть огонь выполнил лейтенант Сухомлин,—говорит он в одном месте, а в другом—приказ был отдан командиром горнисту, а последний сыграл „огонь" и команда начала стрельбу.

Растрел Шмидта, и др., как известно, был на острове Березани.

В расстреле принимала участие команда „Терца", находившаяся в первой линии. Команда была разбита на четыре взвода, по числу осужденных, каждым взводом в отдельности командовал особый командир.

Церемониалом расстрела командовал Радецкий В. И. (к—р „Прута"). Взводом, расстреливавшим Шмидта, по показаниям Ставраки, командовал некий П. И. Бойченко. Между тем, свидетельские показания не в пользу Ставраки.

Священник Мельников А. Я. (настоятель Никольского собора в Севостополе) показал, что Ставраки, живший в это время в одном с ним дворе, рассказывал свидетелю, что ему пришлось командовать отрядом при расстреле Шмидта, и что ему было слишком тяжело приводить приговор в исполнение, так как Шмидт был его другом, при чем во время разговора Ставраки говорил свидетелю, что Шмидт просил его приказать своим стрелкам целиться ему прямо в сердце...

Эту же версию расстрела Шмидта приводит и другой свидетель—В. М. Залесский, со слов секретаря севастопольского военно-морского суда Васильева, присутствовавшего при расстреле Шмидта.

Военморы Ф. Г. Мартыненко и А. Д. Щетинин—участники восстания—также подтверждают, что среди них лейтенанта Ставраки считали активным участником расстрела Шмидта.

Бывший судовой врач „Терца" К. И. Димитриадис на предварительном следствии также показал:

— По возвращении с казни,—я тогда находился у себя в каюте,—капитан Ершов упрекнул Ставраки и других офицеров в гнусном деле, на что Ставраки отвечал, что он действовал „по приказанию начальства".

Между тем, сам Ставраки виновность свою отрицает и показывает, что присутствовал при казни по приказанию командира „Терца" для связи.

Далее Ставраки показывал на предворительном следствии, что после расстрела с ним случился сильный сердечный припадок и при нем все время находился д-р Димитриадис. Последний, однако, этот случай обморока опровергает.

Вторая часть обвинительного заключения излагает „похождения" Ставраки за последние перед арестом годы.

В 1921 и 1922 годах, Ставраки, будучи на службе в Черноморском флоте в качестве заведующего батумскими маяками, проявил крайнюю халатность в выполнении возложенных на него обязанностей. Из акта ревизии, произ-

веденной по приказанию зам. н-ка морского транспорта, выяснилось не только отсутствие правильного ведения материальной отчетности, но и злоупотребление с имуществом, в частности со спиртом, выписывавшимся без всякой нужды для дела.

Незаконное израсходование спирта Ставраки не отрицает. В должности заведывающего батумскими маяками он состоял с начала 1921 года по день его ареста, то есть по 30 июня 1922 г.

Три пункта обвинения.

На основании вышеизложенного, бывший начальн. убекобатумского укрепленного района, он же смотритель батумских маяков, Ставраки, Михаил Михайлович, 56 лет, бывший потомственный дворянин и сын адмирала, исключенный из членов РКП (б), как лишний и ненужный балласт, с высшим общим и специальным морским образованием предается суду по обвинению в том, что:

1. Будучи на ответственной должности при царском строе, принимал активное участие в подавлении революционного движения Черноморского флота, происходившего в 1905 году.

2. 6 марта старого стиля 1906 г. командовал расстрелом активных участников восстания Черноморского флота: Шмидта, Гладкова, Частника и Антоненко.

Указанные данные предусмотрены ст. 67 Уголовного Кодекса РСФСР.

3. Пользуясь доверием советской власти, скрыв свое активное участие в расстреле борцов за освобождение трудящихся России, прошел в российскую коммунистическую партию (б) и, получив назначение на ответственный пост нач. убекобура, он же завед. батумскими маяками, проявил в корыстных целях преступную халатность, выразившуюся в умышленном неведении отчетности, в целях сокрытия произведенных им хищений.

Показания М. Ставраки.

На вопрос о виновности—по всем пунктам пред'явленного ему обвинения подсудимый отвечает твердо и категорически:

— Нет, не признаю.

В начале показаний — автобиография. Старается быть точным даже в мелочах. Отец—контр-адмирал, защитник Севастополя. Сам — окончив академию, поступает во флот, участвует в японской кампании, несколько раз ранен, в 5—6 году служит в Севастополе, получает, с запозданием,

чин капитана 2-го ранга; затем его списывают с судна и отдают под суд вместе с другими офицерами—пред'являют обвинение—сначала в клевете на командира, затем в неподчинении начальству и приговаривают к трем годам крепости, из которых год и три месяца отсиживает.

Подсудимый почему-то уверен, что его решили посадить в крепость за то, что он когда-то был... другом Шмидта, был на подозрении у начальства, как неблагонадежный политический элемент. Искали только случая и придрались. Этим подсудимый также об'ясняет и то, что ему задержали производство в чин капитана 2-го ранга на несколько месяцев.

— Мои товарищи стали вице-адмиралами,—говорит он,— а я так и остался капитаном.

После крепости служит на частном судне. В февральскую революцию, по распоряжению Центрофлота, назначается начальником морской обороны батумского района. Когда в Батуме появляется какой-то союзный „интернациональный" совет, получает назначение смотрителем маяка. Когда Батум занимают меньшевики — его выгоняют со службы.

С гордостью отмечает, что после Октябрьской революции его переизбирают матросы своим командиром. При советской власти—попадает в Райкомвод, затем вступает в РКП (б). По его словам, его поддерживают двое-трое коммунистов, которых он когда-то спас от смерти. После чистки партии — исключен как балласт.

В ноябрьские дни.

Далее Ставраки рассказывает о ноябрьских днях 1905 года в гор. Севастополе. 15-го ноября, в тот день, когда „Терец" стрелял в восставшие суда—он был на этом судне в качестве старшего офицера.

Командиром судна был некто Петров. Подсудимый категорически утверждает, что никаких приказаний о стрельбе не отдавал и непосредственно от командира— артиллеристам не передавал.

— По морскому уставу,—говорит он,—во время боя я, как старший офицер—заместитель командира, в случае смерти последнего, не мог находиться с ним рядом. Я был на палубе. Команду — „открыть огонь" командир, по уставу, передал через горниста, а выполнил артиллерийский офицер, Сухомлин, непосредственно руководивший стрелками и артиллерией.

Выстрел был направлен в катер „Пригодный", который стрелял в судно и пытался также овладеть „Бугом". „Буг", бывший под красным флагом, в это время уже переменил

его на андреевский. „Терец", когда был дан с „Очакова" приказ-сигнал Шмидта, красного флага не поднял и оставался под андреевским, по приказанию командира Петрова, объявившего команде, что Шмидту он не подчиняется. Учебное судно „Терец" стояло в этот момент в Южной Бухте против таможни.

Отрицая свое активное участие в подавлении мятежа, подсудимый переходит к трагическому дню казни Шмидта.

Казнь Шмидта.

4 марта 1906 года, во-главе с командиром Цингером и старшим офицером Ставраки, по приказанию свыше, „Терец" уходит в море, назначение неизвестно. На судне находятся пассажиры—члены суда, прокурор, два жандармских офицера, два корреспондента—„Правительственного Вестника" и... „Крымского Вестника". О том, что едут корреспонденты, Ставраки узнает по их визитным карточкам. Куда они едут, зачем – он не расспрашивал, с жандармами разговаривать не любил и, вообще, большого любопытства не проявлял.

— Время было тревожное, революционное — могли и засадить.

Уже в открытом море, по курсу определил, что едут на Очаков. Этого не отрицал и командир, не вдаваясь в подробности. „Терец" пристает около о. Березани. Раннее утро. Командир передает Ставраки приказание—взять 18 матросов и 4-х свободных от наряда офицеров и вместе с ними, отправиться на о. Березань, передав их в распоряжение командира „Прута" В. И. Радецкого, а самому оставаться на острове для связи с судном на случай возможной тревоги.

Свободными от наряда оказались: Сухомлин, Бойченко, Слупский и Бужинский. На судне остались—врач Димитриадис, офицеры—вахтенный и подвахтенный—Веселаго и Гедримович—и офицер-механик Ершов.

Ставраки понял, что на Березани готовятся казнить Шмидта.

— Отказаться от назначения я не мог—говорит подсудимый,—хотя остаться на берегу для связи было приказано командиру судна—Цингеру, который эту обязанность взвалил на меня, мотивируя это тем, что он должен остаться на судне, так как последнее находится в опасном месте, около подводных камней.

Далее Ставраки рассказывает последние часы Шмидта. И рисует такую неправдоподобную картину:

„Армейский караул вел осужденных от пристани к месту казни. Петр Петрович одной рукой опирался о плечо

священника, а другой... всех благословлял и говорил: „простите“. Проходя мимо меня—узнал и сказал: „Миша, прости“.

На месте казни 4 столба. К ним должны были привязать осужденных. Четыре взвода расставили против столбов, а им в затылок „на всякий случай“—свободную „боевую“ роту. Помощник секретаря военно-морского суда Васильев стал читать приговор, но запнулся, и чтение продолжал помощник военного прокурора суда. Развели по столбам.

— Случайно так вышло,—показывает подсудимый,—что Шмидт был подведен к крайнему столбу, против которого, позади взвода, с левой стороны стоял я. Привязали руки.

И тут, вдруг, по словам подсудимого, Шмидт, обращаясь к матросам, сказал:

— „Братцы, служите честно, слушайтесь ваших офицеров. Я тоже был офицер“.

Произнося эту фразу, Ставраки как-то торжественно отчеканивал каждое слово.

— Затем,—говорит далее он,—Петр Петрович, увидев меня, сказал:

— „Миша, прощай, поцелуй сына, кланяйся сестре“.

Залп, беспорядочный. Я подбежал к П. П. и пал на колени, поцеловал. Рука жандарма легла на плечо: „Уйдите, за это ответите“. Я обернулся, увидел, что взвод матросов еще стоит с винтовками наперевес. В порыве возмущения я сказал громко, в воздух: „Поверните же роту, наконец“. Я услышал распоряжение Радецкого и команду Сухомлина. Взвод повернули.

Так показывает на судебном следствии подсудимый о своем участии в этой расправе со Шмидтом.

О том,—как был дан сигнал к стрельбе, подсудимый не помнит. По его предположению—офицер кивнул головой, или сделал знак рукой, сигналисты подняли и спустили флажок—и раздался залп.

Об'является перерыв.

При возобновлении заседания обвинитель—тов. Межин допрашивает подсудимого.

Сначала—о его роли на судне „Терец“. О задаче, возложенной на „Терца“.

Подсудимый опять показывает, что его роль была пассивной.

По его словам, командир „Терца“ получил приказ: „Не выпускать боевые суда на рейд“. Стрелял „Терец“ в ответ на выстрелы катера „Пригодного“, стремившегося завладеть „Бугом“. Нужно было этого не допустить.

Обвинитель ходатайствует перед судом о приобщении к делу двух документов—речи прокурора Ронжина и об-

винительного акта, составленного следственной комиссией по делу Шмидта.

Из этих документов видно,—говорит тов. Межин, — что картина стрельбы с „Терца“ была иной и что „Терцу“ была дана директива—открыть огонь.

Обвинитель переходит к моменту казни.

В показаниях подсудимого, данных на предварительном следствии и здесь, на суде, явные противоречия. Так, например, Ставраки показывал, что „выполнил это приказание с болью в сердце и чтобы быть при последних минутах моего друга, и поэтому встал у взвода как раз против Петра Петровича“. Приводит разговор свой со Шмидтом накануне казни, когда П. П. якобы просил его присутствовать при казни: „Ты будь на месте, я, может быть, что-либо вспомню и тебе крикну“.

— Где же правда?—спрашивает обвинитель.

Подсудимый отрицает показания на предварительном следствии и подтверждает то, что говорил суду.

Второе противоречие: будто-бы видя общую растерянность, Ставраки скомандовал сам взводу повернуть кругом, а потом подошел к Шмидту.

И это показание, данное на предварительном следствии, Ставраки отрицает. И об‘ясняет, что не все свои показания на предварительном следствии он сам писал, и то, что писал следователь, подсудимый подписывал сначала „на веру“, не читая.

— Странно это слышать от интеллигентного, отдающего отчет в своих действиях человека,—замечает обвинитель.

Знаменательную фразу: „Миша, прикажи своим солдатам целиться прямо в сердце“, сказанную, по показаниям свидетелей Залесского и Мельникова, Шмидтом М. Ставраки (свидетель Мельников на предварительном следствии показывает, что эту фразу ему потом передал сам Ставраки),—последний на суде категорически отрицает. Не обращался с этой фразой Шмидт и к кому-либо другому.

И еще одно противоречие.

Дополняя свои показания, Ставраки на суде рассказывает, что один из расстрелянных еще был жив. Его „докончил“ Радецкий с ординарцем, приказав последнему стрелять. На суде подсудимый показывает, что он слышал только звуки выстрелов и по тому, что выстрелы были винтовочные, предполагает, что стрелял ординарец. На предварительном же следствии Ставраки подробно описывает этот факт, указывая, что видел он, как ординарец снял штык с винтовки и в упор стрелял.

Это противоречие об‘ясняет запамятованием, ссылаясь на контузию головы. От полученной контузии подсудимый, по его словам, иногда заговаривается. Сейчас же на суде

ясно помнит, что на предварительном следствии передавал о стрельбе в упор не как очевидец, а со слов двух участников расстрела.

Во время допроса Ставраки подробно об'ясняет по плану суду место казни, расположение войск, где кто стоял. План места казни им еще был начертан на предварительном следствии.

Похороны.

Далее Ставраки рассказывает, как хоронили Шмидта. Одет был Шмидт перед казнью в черную визитку, брюки, белую ночную рубашку и в головном уборе. Когда все было кончено, подошли армейские солдаты, завернули в ковры тело, там же на острове была вырыта яма. К ней понесли расстрелянных, уложили в гробы, опустили в яму, засыпали землей, на могиле поставили крест. Священник служил литию.

— Из офицеров,—рассказывает Ставраки,—на похоронах кроме меня был лишь один армейский офицер, приводивший осужденных на казнь.

После похорон поехал на судно, на известную фразу Ершова, ответил:

— Они исполняли приказание.

Затем ушел к себе в каюту. Чувствовал плохо. Вошел д-р Димитриадис, дал капель.

Через 11 лет.

Сына Шмидта подсудимый встретил через 11 лет, в 1917 году, в Севастополе—на улице, когда шла похоронная процессия с останками революционеров. Вперед его не узнал, потом—со слов других—узнал, но подойти не мог, ибо разделяла толпа, и он, Ставраки, торопился по спешному делу—из штаба с важным поручением.

— Как же вы, считая себя близким другом Шмидта, не могли выполнить его последнюю просьбу?—спрашивает обвинитель.

— Последние слова П. П.,—отвечает подсудимый,—я передал его сестре через несколько дней после казни.

А сына встретил лишь в 17 году и мог бы передать, но, не узнал, торопился...

Защитник задает вопрос:

— Был ли составлен протокол казни?

— Да, моей подписи там нет,—отвечает подсудимый.

„Гуманный“ акт царской власти.

В вечернем заседании суда продолжается допрос подсудимого.

Вначале Ставраки подробно останавливается на процессе в 1907 году военного суда, по приговору которого он был осужден.

Снова подчеркивает, что ему „припаяли“ это дело за прежнее сочувствие Шмидту.

Вспоминая, Ставраки вдруг рассказывает о странном случае—освидетельствовании Шмидта накануне казни „на предмет пригодности к расстрелу“ специальной врачебной комиссией на судне „Прут“.

Подсудимый считает „гуманным“ этот „закон“ царской власти—расстреливать только здоровых.

Участниками такой оригинальной комиссии называет д-ров Федотова и Димитриадиса — как врачей, и себя, как военного „депутата“. Председательствовал помощник военного прокурора Ронжин.

Возвращаясь к трагическому событию на Березани подсудимый отмечает, что никакого оружия с собой не брал. Он еще тогда не оправился после 9-ти ранений, полученных в Шанхае, и ходил с палкой.

Допрос свидетелей.

Д-р Федотов и д-р Димитриадис.

Начинается допрос свидетелей. Первым дает показания доктор Федотов, бывший врачем на „Пруте“. Показания этого свидетеля могли бы сыграть существенную роль во всем процессе. Федотов—единственный ныне очевидец казни Шмидта (кроме, конечно, Ставраки). Но... самые важные подробности события он „запамятовал“. Его назначили присутствовать при казни. Отказаться не смел.

О дне казни никто не знал до конфирмации приговора.

Со дня суда до конфирмации прошло около двух недель.

Все это время Шмидт находился на „Пруте“. На следующее утро после об‘явления Шмидту конфирмации приговора—состоялась казнь.

— Приказание мне было дано Радецким — констатировать смерть после расстрела.

Недоумевал, почему именно ему было поручено выполнить эту миссию.

Свидетель видел, как Шмидт шел к месту казни—медленно, серьезно и спокойно. Такую трогательную картину, нарисованную Ставраки, — со священником и благословением толпы не помнит.

Когда привели к месту казни, свидетель стал в стороне, за взводами, стараясь быть как можно дальше... Слышал „сорванный залп“. Кто-то подошел. Предложил посмо-

треть тела. Первым увидел Шмидта. Один из расстрелянных был в агонии.

— Не помню—кому я сказал:—вот этот жив,—говорит свидетель.—Кем-то было приказано „докончить“. Кто-то из взвода выстрелил из револьвера. Думаю, те из матросов, которые по своей должности имели револьвер. Осмотрел—труп. Затем—похороны, на которых присутствовали и другие. Кто именно—не помнит.

Больше ничего не помнит.

— Кто командовал церемониалом, точно не помню. Несомненно одно, что старшим был Радецкий.

Больше от него ничего не могут добиться ни члены суда, ни обвинитель.

— Разговаривали ли об этом после казни?

— Нет. Как-то уж условились молчаливо, между собой, не говорить о казни. Избегали. И не в этом был центр дела—кто скомандовал .. По слухам—упоминали и Ставраки.

Федотов также „запамятовал“ свое участие во врачебной комиссии накануне казни.

Делают очную ставку со Ставраки. Тот не только подтверждает, но припоминает еще такой случай:

— Когда Федотов вошел в каюту, то Шмидт сказал: „Пожалуйста, убирайтесь вон“.

Свидетель этот факт отрицает.

— А вы... долго оставались?—задает вопрос обвинитель Ставраки.

— Я... я тоже... скоро вышел...

Далее Федотов показывает, что по приказанию Радецкого, Шмидта он осматривал перед казнью; но носило ли это характер комиссии, подписывал ли он какое свидетельство—точно не помнит.

Помнит, что при осмотре присутствовал кто-то из прокурорского надзора.

Второй свидетель—тоже врач—Димитриадис. Был врачем на „Терце“.

Яркой фигурой подавления восстания, по словам свидетеля, был командир судна—Петров.

Ему был дан приказ обстреливать суда, выходившие под красным флагом из Южной бухты на рейд. Свидетель был на берегу, около таможни, когда с „Терца“ раздался выстрел по „Пригодному“ и катер перевернулся.

Накануне казни к свидетелю явился прокурор Ронжин и приказал следовать за ним. Ронжин дорогой сказал, что Шмидт просит, чтобы его осмотрел Димитриадис.

— Я был личным другом Шмидта,—говорит свидетель,—я пользовал Шмидта во время его болезни почек. Его просьбу я исполнил и осмотрел. Это было часа в 4 дня. Шмидт ждал

телеграммы от сестры, ходатайствовавшей о помиловании. Но был спокоен. На следующее утро был он расстрелян.

— Была ли это комиссия?

— Нет. Я осматривал своего друга по его личному приглашению. Ни в какой комиссии я не участвовал.

Делается очная ставка свидетелям и подсудимому.

Димитриадис категорически опровергает свое участие в комиссии.

Была ли комиссия?

Обвинитель делает попытку из сбивчивых, туманных показаний выяснить—была ли создана перед казнью врачебная комиссия по освидетельствованию Шмидта, о которой на суде вдруг „вспомнил" Ставраки, и кто в ней участвовал.

Обвинитель задает вопрос Федотову:

— Двое, это—вы и Ронжин. А третий—Ставраки?

— Такой комиссии я не помню.

— Кто же председательствовал?

— Только не я.

Задают вопрос Ставраки — был ли Димитриадис в комиссии.

Подсудимый отвечает не без сарказма:

— Димитриадису об этом лучше знать. Как он покажет, так и я подтвержу.

И, вдруг, хлопнув себя по лбу, подсудимый восклицает:

— Да не мираж ли это? Это „заскок" — контужен я. Теперь я точно помню, что никакой комиссии не было.

Димитриадис снова категорически отрицает свое участие в комиссии подобного рода. Да если бы она и была, то он, Димитриадис, не вошел бы в нее и не подписывал никакого акта. И на казнь, в качестве врача, он бы не пошел, несмотря ни на какие последствия.

Обвинитель интересуется—мог ли, по мнению Димитриадиса, Шмидт перед расстрелом обратиться с призывом к матросам—слушаться своих офицеров, как об этом „трогательно" говорил Ставраки.

Димитриадис отвечает, что он хорошо знал Шмидта. Если и были им произнесены такие слова, то лишь в форме обращения к команде; он мог бояться, что эта команда откажется стрелять и за это будет расстреляна. Но, как общий политический призыв, эти слова, безусловно, Шмидт по своим убеждениям не мог произнести.

Революционером он остался до самого конца.

Защита спрашивает:

— Просил ли свидетель, во время восстания, кого-либо из командиров не стрелять в восставших?

— Да, это было. Я не мог оставаться равнодушным.

— А Ставраки?

— Не знаю, может и он кого упрашивал.

И вспоминает характерный штрих:

— Однажды, когда уже после восстания, какой-то адмирал (Кованц) вошел на судно и указал, что грязно, Ставраки ответил: „Когда нас заставляли (стрелять), сами прятались. А теперь пришли указывать, как палубу чистить!“

Эту фразу Ставраки по адресу командира свидетель считает довольно героической в то время.

В конце допроса Димитриадис категорически отрицает версию подсудимого, что Ставраки был осужден судом якобы за сочувствие Шмидту.

— Я тоже был привлечен к этому процессу, тоже осужден; но и намека не было на предлог, что за сочувствие Шмидту. Думаю, что могло быть, что опасались, что наше обвинение командира в педерастии может вызвать бунт команды и вообще неприятные осложнения. Судно было в Константинополе. Дело повернули так, что судили не командира, а инициаторов дела за неподчинение начальству.

Об‘являтся перерыв до следующего дня.

Второй день процесса.

Впечатления.

Допрос свидетелей проводит резкую, ненарушимую грань между этими двумя людьми, двумя офицерами старого Черноморского флота—революционером-героем Шмидтом и... подсудимым Ставраки.

Редкая, исключительная личность Шмидта выделяется так рельефно, так отчетливо.

Правдивые, искренние, вырывающиеся из глубины сердца, показания д-ра Димитриадиса передают, с каким редким мужеством, с каким удивительным героизмом, без тени сомнений и колебаний, переносил последние часы перед казнью Шмидт.

Этому свидетелю можно верить, он был близким другом Шмидта, искренним другом, что подтверждает и другой свидетель—Гедримович.

И даже этот „ничегонепомнящий Иван"—доктор Федотов, попавший из свидетелей в подсудимые, этот неразгаданный еще человек—несомненно знающий больше, чем сказал на суде, которому ныне пред'явлено тяжкое обвинение в пособничестве палачу Ронжину в гнусном деле оформления расстрела Шмидта,—и этот свидетель подчеркивает, как шел Шмидт на лобное место—медленно и спокойно.

И, по мере того, как перед судом встает живой, подлинный образ Шмидта в ореоле героя-мученика,—на личность Ставраки падает черная тень, позорное клеймо.

Лицемерная тога „друга" спадает,—и перед судом—жалкий, подлый человек, хуже, чем трус.

Свидетель Гедримович—сослуживец Шмидта—приводит ужасающие подробности—как перед казнью метали жребий—

кому итти на казнь, и, когда жребий выпал не лейтенанту Ставраки, он все-таки пошел...

„Для связи“? Увы! Эту иллюзию разрушает свидетель.

Чувство товарищеской „поддержки“ заставило пойти? И эта нелепая версия отпадает.

Уж если было такое чувство дружбы—оно, наоборот, только бы диктовало Ставраки отказ от присутствия при казни друга, даже под страхом тяжелого наказания.

И в этот страх, в это малодушие тоже трудно поверить:

— Он мог отказаться. Самое большое—сместили бы с должности.

Так говорит свидетель.

Вот—и все.

И как звучит злой иронией это „случайное совпадение“, что через месяц после казни Шмидта Ставраки из лейтенантов производится в капитаны II ранга, в столь долгожданный чин!

И еще есть свидетель—священник М.,—человек вряд ли имеющий много общего с новой, революционной Россией, но правдивый и искренний человек—он говорит прямо:

— Смысл фразы был таков.

Он подтверждает, как Ставраки ему рассказывал о своем гнусном участии.

Перед судом проходит еще свидетель—пусть он не очевидец казни, пусть передает со слов другого, но и от этих показаний веет жутью, и еще темнее становится личность Ставраки.

Он уже не только общий распространенный тип старого офицера-служаки, продавшего шпагу царским палачам,—не только жалкий, малодушный трус...

Он—злодей. И с этим впечатлением уходишь из залы суда.

А эта нелепая фраза, которую он приписывает Шмидту, эта „картинка“ благословения толпы, участвовавшей в расстреле,—какой чудовищной ложью веет от этих слов!

— Он не мог этого сказать. Он был революционером!—с негодованием восклицает один из свидетелей—сам знавший близко покойного Шмидта.

И это восклицание—искренняя правда, которую подтверждает вся история той эпохи, все воспоминания о герое, революционере-мученике—Шмидте.

Заседание суда открывается в том же составе в 11 ч. утра.

Ходатайство защиты.

Защита ходатайствует об освидетельствовании подсудимого экспертами-врачами, так как Ставраки сообщил суду, что, вследствие контузии, он, временами, страдает затемнением памяти.

Необходим также и вызов военного эксперта, могущего раз'яснить суду оставшиеся неясными моменты боевой обстановки при подавлении восстания, устав морской службы, порядок подчиненности, выполнения приказаний и т. д.

Обвинитель, не возражая против вызова военного эксперта, просит суд вынести свое определение после допроса свид. Гедримовича.

Суд удовлетворяет просьбу обвинителя.

Свид. Гедримович.

Перед судом—новый свидетель, не дававший показаний на предварительном следствии, вызванный в суд по ходатайству стороны обвинения.

Свидетель этот—бывший сослуживец подсудимого по „Терцу", случайно узнав в тюрьме (Гедримович отбывает наказание по делу „Ингула") о деле Ставраки,—пожелал дать свои показания.

Показания нового свидетеля дают чрезвычайно ценный материал для судебного следствия.

Подавление восстания.

В начале он рассказывает о подавлении мятежа во флоте—об историческом дне 15 ноября 1905 г.

15-го ноября „Терец", на котором свидетель в то время был самым молодым и младшим офицером, неизвестно по какой причине переменил место стоянки и пошел к „Ростиславу". Командир судна Петров был вызван на „Ростислав". Возвратившись оттуда, он собрал офицеров и об'яснил им, что предполагается подавить восстание и он не знает, как ему поступить. На собрании было решено—защищать судно от попыток захвата революционерами, а если не удастся—с'ехать на берег.

Около 12 час. дня прибыл офицер с каким-то приказом. „Терец" отошел к таможенной пристани.. „Буг" открыл кингстоны и начал тонуть.

„Буг" был затоплен, повидимому, из опасения, что находившиеся на нем мины могут взорваться.

Катер „Пригодный“ проходил мимо. Когда он был на траверсе „Терца“, вся команда последнего кричала „стоп, машина!“ Свидетель был в то время на мостике, но не с командиром. Командир судна через горниста приказал открыть огонь. Катер был потоплен. С „Терца“ спустили шлюпки и подобрали команду.

Дальше свидетель вспоминает, как от „Очакова“ отделился „Свирепый“, „Ростислав“ и „Память Меркурия“ открыли огонь. Затем был открыт огонь по „Очакову“. „Очаков“ загорелся. Восстание было подавлено.

Свидетель подтверждает, что приказ, полученный „Терцом“ через офицера, был следующий:—открыть стрельбу по судам, выходившим из Южной бухты на внешний рейд.

Где был Ставраки?

Опорным пунктом своего доказательства о пассивном участии в подавлении мятежа подсудимый Ставраки приводил существовавший, якобы, пункт морского устава, по которому во время боя старший офицер (первое лицо после командира) должен был находиться вдалеке от командира судна, чтобы на случай смерти последнего принять на себя командование судном.

По словам Ставраки, старший офицер во время боя, когда командовал командир, принимал на себя руководство только техническими, вспомогательными, не боевыми людьми судна—плотниками, слесарями и т. п.

Представителю обвинения было важно установить правильность ссылки Ставраки на этот пункт устава.

— Полагаю—отвечает свид. Гедримович на вопрос обвинителя,—что Ставраки находился, по уставу, с левого борта, около семимиллиметровых орудий и прислуги. Командир судна отдает распоряжения, а старший офицер—выполняет.

— А наблюдение за плотниками и слесарями?

— Не думаю...—улыбается свидетель.

Перед казнью.

Свидетель вспоминает, что накануне отправки „Терца“ к месту казни Ставраки зачем-то ездил к адмиралу Чухнину.

— Как вы думаете, зачем?

— Вероятно, Чухнин расспрашивал его о настроении команды.

— А почему же не поехал командир судна?

— Командир судна Цвингер—был назначен командовать „Терцом“ недавно. Ставраки, как старый офицер, вероятно, мог дать более достоверные сведения о команде.

Накануне 6 марта на „Терец“ прибыл с секретным пакетом начальник штаба Черном. флота Григорович (впоследствии морской министр). Приказ стал известен уже в пути—участвовать команде в расстреле Шмидта.

Метали жребий.

— Вечером узнали, кто назначен. Меня оставили на судне—был, видимо, неподходящим. Из младших офицеров назначили троих: Бойченко, Слупского и Бужинского. Четвертым был лейтенант Сухомлин.

Свидетель передает разговор в кают-кампании, что Сухомлин и остальные двое лейтенантов—Веселаго и Ставраки—тянули жребий,—кому ехать. Жребий вытянул Сухомлин.

Утром я узнал, что на казнь поехал и... Ставраки. Это меня удивило.

На о. Березань, таким образом, отправилось 5 офицеров и 48 чел. матросов из 150-ти, т.-е. почти вся строевая команда.

На судне, кроме свидетеля, остались из офицеров командир судна Цвингер, лейт. Веселаго, инж.-мех. Ершов и доктор.

Когда уежали на казнь—Гедримовнч не видел,—был у себя в каюте, чувствовал себя расстроенным и больным. Ночью спал. Утром увидел, как возвращались.

Почему Ставраки пошел на место казни?

Этим вопросом интересуется суд.

— Мог-ли Ставраки отказаться итти на остров?

— Считаю, что мог,—утвердительно говорит свидетель,—так как Шмидт был его товарищ. Я бы лично не пошел.

— А почему же он, все-таки, пошел? Ваше мнение?

Свидетель колеблется:

— Я бы... не хотел говорить...

— А все-таки?

— Мнение мое... очень отрицательное, думаю, что он пошел расстреливать своего товарища... Ставраки сам потом говорил:—хотел поддержать своего товарища.

— Чем-же хотел поддержать?

Он... видимо,—высказывает свое мнение свидетель,—видимо,—так хотел оправдать свой поступок с моральной стороны.

— Надо полагать,—говорит обвинитель,—что в целях морального оправдания он мог бы сказать, что в расстреле не участвовал.

— Этого я не знаю.

На вопрос защиты—мог ли Ставраки отказаться итти на остров, если ему это было приказано, свидетель отвечает в утвердительном смысле.

— А если бы отказался? Что бы с ним было?

— Может, уволили. Больше ничего,—отвечает свидетель.—Даже я помню, что и команда на остров была послана из желающих.

— Не слышал ли свидетель из разговоров возвратившихся, что Шмидт обратился к Ставраки со словами: „Миша! Прикажи целиться прямо в сердце!“

— Насколько я помню... что-то в роде этого говорил сам Ставраки.

Был ли „Терец“ в боевой готовности во время казни?

Этот момент хочет выяснить суд.

Приказа—быть „на всякий случай“ готовым свидетель не помнит. После от‘езда команды на остров он сам спал. Свидетель считает, что после от‘езда почти всей строевой команды судно было небоеспособным.

Подсудимый волнуется. Задает вопросы:

— Видел-ли свидетель „Прут“ со стороны Очакова?

— Видел.

— Помнит-ли, что утром „Терец“ снялся с якоря и перешел к острову?

— Не помню.

— Сколько нужно человек, чтобы открыть стрельбу из пушки „Гочкис“? Один-двое?

— Да...

— На судне было шесть пушек. Сколько было нужно человек?

— Вполне достаточно двенадцать.

Защитник спрашивает:

— Если вы все время были в каюте—могли бы вы видеть, когда снялся „Терец“ с якоря?

— Не мог, но мог знать.

Кто командовал расстрелом?

Церемониалом казни командовал Радецкий, об этом говорил Ставраки. Свидетель Федотов в первый день процесса тоже подтверждал, что Радецкий, видимо, был старшим, всем распоряжался.

Но... кто командовал расстрелом?

Этот важный момент хочет установить суд.

По плану, начертанному Ставраки в своих показаниях, один из четырех взводов был без офицера, ибо из четы-

рех офицеров, пошедших с „Терца“ на казнь, трое были у взводов, а четвертый—Сухомлин командовал расстрелом, а сам он, Ставраки, был „для связи“, стоя позади левого фланга.

— Мог быть один взвод без офицера?

Этого Гедримович не знает.

— А кто был старше по заслугам—лейтенант Сухомлин или лейтенант Ставраки?

— Ставраки был более заслуженным.

„В экспертизе—отказать“.

После допроса свидетеля Гедримовича обвинитель говорит суду, что вызов военного эксперта, после таких подробных об‘яснений свидетеля, он не находит нужным.

После короткого совещания суд определяет:

В виду того: 1) что отсутствуют данные, указывающие на психическую ненормальность подсудимого, что 2) показания Гедримовича исчерпывающе об‘ясняют всю картину событий,

— в вызове экспертов—медицинского и военного—отказать.

Показания священника Мельникова.

Центральным пунктом обвинительного акта по делу Ставраки нужно считать показания свящ. Мельникова.

Это ему после казни Шмидта, при встрече передавал Ставраки о своем участии в расстреле. Это ему Ставраки передал, что Шмидт перед казнью обратился к Ставраки с этой знаменательной фразой:

— Миша! Прикажи своим матросам целиться прямо в сердце.

Ту историческую фразу, которая потом стала упоминаться почти во всей литературе по делу Шмидта.

В начале своих показаний на суде свящ. Мельников подробно рассказывает о своей встрече со Ставраки. Разговорились о процессе. Ставраки выражал чувство сожаления: он был другом, приятелем Шмидта, и для него было тяжело; рассказывал со слезами на глазах, как Шмидт обратился к нему с просьбой—довести это дело скорее до конца.

— Обратился ли Шмидт к Ставраки с этой фразой?—задает вопрос обвинитель.

Свидетелю оглашают его показания, данные на предварительном следствии, где он цитирует эту фразу.

— Подтверждаете вы свои показания?

— Да. Подтверждаю. Смысл фразы был таков.

Рассказывает далее свидетель, что он часто встречался со Ставраки в военно-морском суде. Это было между 1902 и 1906 годами. Возможно, что он был и членом суда.

— Был или нет?

— Насколько я помню,—был.

Задает вопрос подсудимый:

— Известно ли свидетелю, чтобы офицеры в чине лейтенанта назначались членами военно-морского суда? Или были лишь те, которые с „висюльками"? (показывает на плечо).

Свидетель своих показаний не отрицает.

Председатель суда тов. Ульрих раз'ясняет, что в революционное время в 1905—906 г.г. в военно-полевые временные суды часто назначались и строевые офицеры.

Ставраки категорически опровергает этот факт.

Когда Ставраки получил повышение.

— А когда вас произвели?—задают вопрос подсудимому—Из лейтенантов в капитаны 2-го ранга?

— В конце апреля 1906 г.

— Т.-е. через месяц после казни Шмидта,—констатирует обвинитель.

Свидетель Залесский.

Следующий свидетель—Залесский. Был в момент казни Шмидта помощником секретаря военно-морского суда; секретарствовал на процессе Шмидта. А когда выносили судьи приговор... играл на биллиарде.

— Как же вы это так?

— Так-с... Позвали.

Помнит, что во время процесса со Шмидтом были обмороки. Вид у него был больной. О его помиловании, в виду болезни, подавали прошения. Суд был в составе постоянного председателя—Александрова, двух членов—кап. 1 ранга Васильева и кап. 1 ранга Нольде; прокурор—Ронжин. Этот состав был назначен после того, как прежний состав отвели, так как в прежнем составе были судьи—офицеры с „Очакова".

Далее подтверждает свои показания на предварительном следствии—как пришел с казни Васильев, рассказывал об участии Ставраки.

После казни Шмидта, по обыкновению, должен был быть составлен протокол за подписями прокурора, священника, доктора. Но этого акта он не видел. Вообще наряд с делом находился все время лично у секретаря Васильева. Помнит, что после процесса дело отослали в Петроград.

— Как вы думаете,—задает вопрос обвинитель,—должен бы был помнить доктор, что он подписывал такой акт?

— Думаю, что да.

Из свидетелей—под арест.

Эту реплику слышит д-р Федотов, который, по просьбе обвинителя, был после допроса оставлен в зале суда— „мог понадобиться“.

И понадобился.

Обвинитель т. Менжин встает.

— Перед нами на процессе, говорит он,—прошли, безусловно, два участника расстрела. Один—подсудимый Ставраки, второй—свидетель Федотов. Безусловно, он знает больше, чем говорил. О, если бы он был призван только констатировать смерть Шмидта! Нет, из того материала, который прошел перед судом, выясняется его более тяжкая роль, это—участие в медицинском освидетельствовании Шмидта перед казнью.

Событие перед нами - исторического значения. А из истории мы знаем, что Шмидт был больной человек. Его больного казнили. Об этом говорила вся восставшая Россия.

Под общим давлением, даже председатель кабинета министров Витте ходатайствовал, чтобы казнь Шмидта была отменена по его болезни. В государственном архиве РСФСР есть подлинный документ—резолюция. На просьбу Витте не казнить Шмидта, так как он больной, Николай ответил: „У меня нет ни малейших указаний, что он болен. Медицинское освидетельствование говорит, что он здоров“.

Чтобы оформить расстрел, прокурор Ронжин совершил гнусное дело палача при участии Федотова.

Обвинитель ходатайствует о привлечении д-ра Федотова по 67 ст. Уголовного Кодекса, с избранием мерой пресечения—его арест. Дело о д-ре Федотове для детального расследования необходимо выделить в особое производство.

Суд, после короткого совещания, определяет:

„На основании 315 ст. Уг. Процесс. Кодекса привлечь д-ра Федотова к ответственности по 16 и 67 ст. Уг. Кодекса, дело выделить и направить к прокурору. Мера пресечения—содержание под стражей“.

Федотова под конвоем выводят из залы суда.

Двух неопрошенных свидетелей, по заявлению обвинителя и с согласия защиты,—Мартыненко и Щетинина—суд определяет допросу на суде не подвергать, так как и без их показаний суть процесса ясна.

Приобщение материалов.

Во время судебного следствия, по просьбе обвинителя к делу были приобщены материалы, имеющие значение для исторического освещения событий в 5—6 году: обвинитель-

ный акт по делу Шмидта и речь прокурора Ронжина на процессе восставших, помещенная в одной из газет того времени.

Обвинитель просит также приобщить к делу № 7 “Военного Вестника“ от 15/XI—1916 года — листок, издававшийся в то время подпольной организацией партии социалистов-революционеров в г. Севастополе. В этом листке есть небольшая заметка, упоминающая о Ставраки как о заядлом слуге царского строя, активном участнике в подавлении мятежа и расстреле Шмидта, а также и как о сотруднике черносотенной газетки.

Суд удовлетворяет просьбу.

— Никогда, ни в каких газетах не писал,—заявляет подсудимый.

Защитник ходатайствует об оглашении письма некоего матроса Кучерявых.

Председатель суда тов. Ульрих заявляет, что это письмо суд оглашать не находит нужным, ибо оно не носит характера документа.

Подсудимый иронизирует.

Представитель обвинения задает подсудимому еще ряд вопросов о его прошлом. Интересуется—почему с момента вынесения приговора над Ставраки за оскорбление командира и до отбывания им наказания прошло так много времени?

— Потому,—отвечает Ставраки,—что в то время тюрьмы и крепости были переполнены.

— Почему-же, все-таки, для вас не нашлось места, а вот для меня и других революционеров тогда нашлось?

— Мне так не повезло, как вам,—дает иронический ответ подсудимый.

Штрихи прошлого.

Из дальнейшего допроса подсудимого выясняется, что он в августе 1905 года был флаг-офицером у адмирала Чухнина.

Февральская революция застала Ставраки в должности помощника губернатора города Мариуполя.

Телеграммой из штаба Колчака он был отозван.

Затем до сентября 1917 года причислен к штабу Севастопольского порта. Центрофлотом был назначен начальником обороны батумского района и брандвахты. Там потерпел ряд перипетий: служил смотрителем маяка при оккупации Батума англичанами, грузины его выгнали со службы. Попробовал заняться спекуляцией, но ничего не вышло. Жил одно время за счет своей жены, которая слу-

жила в кафе. Когда советские войска вошли в Батум—на другой же день он получил службу.

Был „сочувствующим“.

— Почему вступили в партию РКП?

— Сочувствовал. Хотел работать. Мне об‘яснили, что буду иметь большой вес.

— Что же вы—разделяли программу и тактику партии? Считали необходимым институты чека и трибуналов?

— Да, какая бы партия ни возглавляла власть, думаю без этих органов не обойдешься.

— А давно вы стали сочувствовать коммунистам? И в марте 1906 года—тоже сочувствовали?

— Тогда не было коммунистической партии.

— Да, но были большевики. Им вы сочувствовали?

— Сочувствовал,—категорически говорит подсудимый. А вот эсерам не сочувствовал, несмотря на их приглашения.

— А когда же это вас приглашали?

— А вот, когда трехрублевые взносы брали.

Эти штрихи из прошлого, так ярко характеризующие личность подсудимого, дополняются еще штрихами его деятельности перед арестом.

Служебные преступления.

Оглашается акт ревизии, констатировавшей не только небрежное ведение отчетности, но и злоупотребления с имуществом и спиртом, выписывавшимся безо всякой нужды для дела.

Этот третий пункт обвинения—108 ст. Уг. Код., отступает на задний план перед колоссальностью обвинения по первым двум пунктам. Но эта служебная „небрежность“ дополняет характеристику личности подсудимого.

Подсудимый не отрицает:

— Был случай, может, и выпил одну-две бутылки спирта, потом пополнил. Одну бутылку менял в аптеке на лекарство для команды. Но больших „грехов“ не было.

Должность начубека он сдал за два месяца до ареста „без претензий“. На маяке остался смотрителем. Там отчетность, по его мнению, была хорошая. Не мог же он контролировать расход керосина разными требованиями и ведомостями, когда он одновременно был и заведующим маяком и кладовщиком,—учитывать самого себя.

„По сокращению штатов“.

Просит огласить его бумажку об увольнении со службы.

— Уволен был по сокращению штатов, — заявляет он.

Бумажка прочитывается. Уволен по упразднению должности 29 июня. Эта дата совпадает с днем ареста.

Суд оглашает еще некоторые документы—показания отдельных лиц, характеризующих личность Ставраки—увы,—тоже с отрицательной стороны: пьянствовал, ругал советскую власть и т. д.

Судебное следствие об'является законченным.

Об'является перерыв до 8 часов вечера.

Прения сторон.

Вечером—прения сторон.

Первым говорит представитель обвинения тов. Межин.

В зале глубокая тишина, несмотря на то, что зал переполнен.

Речь государственного обвинителя тов. Межина.

— Товарищи судьи,—начинает свою речь государственный обвинитель,—два дня мы разбираем это дело. И, несмотря на то, что эта картина из далекого прошлого,—какою жутью и сейчас веет от нее! Воспоминания пробуждаются, углубляешься в то, что произошло, и начинает казаться, что эти дни совсем недалекого прошлого. Почему так?

Обвинитель видит причину в непрерывной исторической связи революционных событий 1905 и 1917 года. Если рассматривать эти события во всех мелочах, можно с уверенностью сказать, что 17-й год явился продолжением 1905 года. И этим об'ясняется, почему тени прошлого снова стоят перед нами, как живые.

— Семнадцать лет,—восклицает тов. Межин, это и много и мало. Для истории это мало; в связи с тем, что пережито—это очень много.

1905 год.

Обвинитель проводит аналогию между событиями первой и февральской революции. Тоже война, а после нее—брожение в рабочих массах. Царское правительство сгнило, не может управлять страной. Но это народное движение еще проникнуто наивными мечтаниями: виноват не царь, а его министры. 9-е января—первый урок, сорвавший маску с самодержавия и указавший рабочему классу, где находится враг...

Движение разрастается, принимает стихийные размеры. Народ идет на штурм царского правительства. Под натиском оно растерялось, и... последовал манифест 17 октября. Но—движение было неорганизовано, армия и флот не могли

перейти в стремительное наступление и свергнуть царское правительство. Оно воспользовалось и перешло в контратаку. События в Черноморском флоте—15 ноября 1905 г.,—это отдельные эпизоды тех событий, которые тогда происходили по всей России. И народ понял, что манифест и дарованные „свободы“ оказались фикцией, обманом. Но без боя позиции сданы не были. И об этом свидетельствуют и те события, которые развернулись во всем трагическом величии в Черноморском флоте. Матросы убедились, что победить возможно только вооруженной рукой.

С 11 ноября восстание разрастается. Правда, были и ошибки, которые всегда неизбежны в революции.

Царя об'ял страх. Он высказывает недовольство Чухнину, что нет энергичных мер. И тот отдает приказ—подавить революционное восстание.

Кто начал подавлять восстание.

Первая директива была дана „Терцу“.

Напрасно грешит перед историей подсудимый Ставраки, указывая, что „Терец“ защищался. Все документы—обвинительный акт по делу Шмидта и обвинительная речь прокурора Ронжина—с ясностью доказывают, что „Терцу“ было дано приказание перейти в контр-наступление, подавить восстание. Это—исторический факт, его нельзя опровергнуть.

И не случайность, что задача была возложена на „Терца“.

Вспомните, товарищи судьи, что кричали восставшие команде „Терца“—„Бросайте в воду своих кровопийцев-начальников!“ И когда я задал вопрос Ставраки—не относились ли эти слова к нему,—он промолчал.

Роль Ставраки.

Но какую же роль он играл? Нам, как наивным людям, ничего не понимающим в военно-морском деле, он об'яснил, что командовал плотниками и слесарями, но свидетель Гедримович опровергнул это. Он устанавливает, что роль старшего офицера—далеко не пассивная роль.

Ведь это он—Ставраки—после восстания, как „герой“ бросил адмиралу упрек: „Когда нас заставляли стрелять, сами прятались. А теперь пришли указывать, как палубу чистить,“—и адмирал исчез, не возражая. Да, это была героическая фраза, но по иному ее понимает Димитриадис.

— И у этого „героя“ подавления восстания хватает ныне смелости утверждать и грешить перед истиной, что „Терец“ только защищался.

А эти сантиментальности о спасении погибающих. В исторической литературе есть указание, как „спасали“. В брошюре тов. Троцкого „1905 год“ есть воспоминания, как расстреливали спасающихся матросов с горящего „Очакова“.

Кто казнил революционеров?

Накануне трагического дня 6-го марта тот же „Терец“ получает новое задание — отправиться к о. Березань и участвовать в расстреле Шмидта и других революционеров.

Не случайно перед этим Ставраки, как старого офицера судна, вызывает Чухнин. Ведь нужно узнать настроение команды. И на Ставраки можно положиться в правильном освещении настроения. Ведь он незадолго перед восстанием был ад'ютантом у Чухнина.

„Гуманный“ обычай царской власти.

Еще одно позорное клеймо на Ставраки. Нами несомненно установлено, что во врачебную комиссию по освидетельствованию Шмидта накануне казни входили—Ронжин, д-р Федотов и „депутатом“—Ставраки. „Депутатом“. Какая тут злая ирония над этим словом! Неужели этот „депутат“ с „Терца“ Ставраки понадобился для того, чтобы на „Пруте“ засвидетельствовать, что Шмидт—есть Шмидт и как будто Шмидта никто не знал. Пусть оценивает суд характер роли Ставраки, но ясно одно—он был одним из членов этой преступной комиссии.

В царское время это было, по словам подсудимого, гуманным обычаем — освидетельствовать приговоренного, прежде чем казнить, и если он нездоров,—подлечить.

Но и тут, при казни Шмидта, этот „гуманный“ обычай был соблюден для „формы“. Вся революционная Россия была возмущена, что казнят больного Шмидта. Даже изощренный политик—Витте не мог согласиться и просил перед царем о помиловании, ссылаясь на болезнь Шмидта.

Сам врач Федотов засвидетельствовал здесь, на суде, что Шмидт был больной человек. На суде с ним было два припадка. Но... казни требовал царь. И вот, для „формы“ соблюдали на бумаге этот „гуманный обычай“, как и все в то время царская власть делала на бумаге.

Есть основание полагать даже, что Шмидт выгнал эту комиссию. Знал, с кем имеет дело.

На Березани.

6-е марта на Березани—этот момент перед историей должен быть нами освещен особенно беспристрастно и

об‘ективно, и нам нужно раз‘яснить все противоречия в показаниях подсудимого и свидетелей.

На кого была возложена задача? На „Терец“. Это бесспорно. Имеются две версии, как была послана команда: одна—Ставраки—пошли на „Березань“ 18 человек и 4 офицера и он для связи; другая—Гедримовича—48 матросов и 5 офицеров, при чем Ставраки все-таки пошел на остров, несмотря на то, что жребий достался Сухомлину. Последняя версия опровергает версию Ставраки. Но допустим, что „для связи“ и „на всякий случай“, если вспыхнет возмущение—дать сигнал „Терцу“ открыть огонь. Судно, говорит Гедримович, было небоеспособным, но допустим и обратное—неужели бы на „Терца“ возложили подавление возмущения среди своей же команды, неужели оставшиеся на „Терце“ два офицера расстреляли бы „в случае чего“ остальных своих товарищей по судну? Если бы „Пруту“ было приказано стрелять,—тогда понятно. А на самом острове разве уже не было „сводной роты“, стоявшей в затылок расстреливавшим—„на всякий случай“, чтобы открыть и по ним огонь, если откажутся? Версия „для связи“ не выдерживает никакой критики. А отказаться он не мог—хотя бы под предлогом дружбы со Шмидтом? Мог. Ведь отказался же д-р Димитриадис и мог Залесский остаться, когда им было предложено поехать. И за это им ничего не было. Это не сочли дисциплинарным проступком. Эти боевые приказы давались не каждому офицеру, а... по особому выбору.

Казнь.

Далее обвинитель рисует, как, по его мнению, происходил расстрел Шмидта.

— Перед революционерами были две роты. Первая, на которую была возложена активная задача и командиром которой был Ставраки, а ей в затылок—сводная рота в 125 шагах. Между ними—Радецкий, командовавший церемониалом казни.

На своем плане Ставраки оставил пустым место офицера около одного взвода. Сухомлина поставил на свое место, а сам—скромно стал позади левого фланга.

Залп. По словам Ставраки, он бросился к Шмидту, чтобы поцеловать. Я считаю, что с таким об‘яснением может выступить только заядлый старый царский слуга, для которого никакая гнусность, никакое кощунство не страшны.

Почему такого чувства Ставраки не питал к живому Шмидту, а мертвого бросился целовать? Не для поцелуя он бросился к Шмидту, а убедиться—не жив ли он, не нужно ли пустить еще пулю в сердце?

Кто пристрелил Антоненко?

Один из расстрелянных – Антоненко—был еще жив. Так говорит, кроме Ставраки, д-р Федотов. По словам подсудимого—ординарец Радецкого—солдат Делунда подошел и застрелил его. И две версии приводит Ставраки этого гнусного дела. Нет, не Делунда это сделал. Радецкий командовал всем церемониалом и не ему нужно было приказывать своему ординарцу; и не мог пойти ординарец с винтовкой на остров и так хладнокровно застрелить своего бывшего товарища.

Свидетель Федотов показывает, что слышал револьверные выстрелы...

— Я боюсь согрешить перед историей, указав—кто именно пристрелил Антоненко,—говорит тов. Межин,—Ставраки знает также, что не ординарец пристрелил, а человек... которого Ставраки скрывает. Удастся ли истории современем раскрыть эту тайну?

Подписывал акт...

— Не друга провожать пошли вы на похороны революционеров,—говорит далее обвинитель, обращаясь к подсудимому,—а исполнить то, что на вас было возложено: вместе со священником, прокурором и доктором подписать акт, что казнь совершена—вот, что вы там делали.

и... получил награду.

— А через месяц—получил повышение. Так же, как и Петров в свое время—выше рангом и назначение.

— Это говорит, что вы выполнили задачу палача, так, как это требовалось.

Картина была такова.

— Несмотря на то, что в тяжелых условиях, через 17 лет, приходится восстанавливать эту жуткую картину гнусной расправы, несмотря на это—эти 17 лет сохранили достаточно материала, на основании которого можно нарисовать картину ту, которую я нарисовал перед вами достаточно ярко.

Еще—об исторических фразах Шмидта.

Исправим ошибку.

В исторической литературе есть эта фраза:

— Сережа, стреляй прямо в сердце.

Теперь мы должны исправить историческую ошибку:

— Не Сережа, а Миша.

Ибо восстанавливается ныне судебным следствием, что это было предсмертным обращением Шмидта не к Сергею,

а к Мише—тому, который 6 марта на заре расстрелял его на о. Березань.

Нет Сережи, есть Миша—школьный товарищ Шмидта. Михаил Ставраки.

Другую фразу Шмидта, о которой говорит Ставраки, я отмечаю, как гнусное кощунство над светлой памятью мученика-революционера.

Для чего привел ее нам Ставраки?

О, цель его определенна! Он служит ей всю свою жизнь. Он хотел занести в историю, что Шмидт перед казнью изменил своим убеждениям.

Нет снисхождения.

Раскаялся ли Ставраки в течение семнадцати лет в своем преступлении?—задает вопрос обвинитель.—Искупил ли свою вину перед революцией?

Обвинитель считает, что в течение этого периода времени Ставраки не только не искупил ее, но еще совершил ряд должностных проступков. Они бледнеют перед главным, ужасным его преступлением, но какой яркой характеристикой всего ничтожества этого человека они служат и как они правдиво указывают, с какой целью он работал у советской власти!

А с какой целью он стал коммунистом? Еще вчера он говорил на суде, что занимал ответственные должности... Взрывать изнутри?...

Правда, его выкинули, как балласт. Но, все-таки, как смел он вступить в ряды РКП? Этот человек, обрызгавший свои руки кровью своего товарища.

Безусловно, чтобы подрывать авторитет советской власти, использовывать партию в своих гнусных целях и ждать прихода другой власти, которой он всю жизнь свою служил.

Вывод—считать доказанными преступления, инкриминируемые обвиняемому по 67 и 108 ст. Уголовного Кодекса, без смягчающих обстоятельств.

Вспомним о клятве.

— Выстрел по этим четырем революционерам на о. Березани был выстрелом по революционной России,—говорит далее обвинитель.—По этой революционной России в лице этих четырех революционеров стреляла царская Россия. Так столкнулись два мира. Можно ли нам забывать эти расстрелы и расправы царских палачей? Вспомните, т. т. судьи, что было написано на наших знаменах, когда мы в первые дни революциоиного движения хоронили своих погибших товарищей:

— Слава—погибшим, проклятье—убийцам! И мы клялись на дорогих нам могилах—исполнить свой революционный долг, довести дело революции до конца, и клялись, что мы будем мстить этим убийцам.

История так захотела, чтобы в клубе имени народного героя совершился суд над его убийцей.

Вспомним слова т. Частника на суде:

— „Вы нас осудите, убьете. Но придут другие. Может быть завтра, через год, но они придут и отомстят за нас“.

Он был прав, ошибся только во времени. Потребовалось целых семнадцать лет, пока убийца не встал перед судом.

Наш революционный закон имеет только одну 67 статью для преступлений, совершенных царскими слугами. Для этой статьи у нас нет давности. Никакая давность не может быть распространена на преступления царских слуг, направленных к подавлению революционного движения. В любое время, когда они попадут в руки правосудия—они понесут свою ответственность и не могут ее не понести.

И вы, т. т. судьи, должны вспомнить те наши многие клятвы, которые были нами даны над могилами наших павших товарищей,— говорит в заключение обвинитель,— и я уверен, что, вынося приговор, ваши руки не дрогнут над этим палачом.

Речь защитника Зильбермана.

— Несомненно—начинает свою речь Зильберман,—что роль защиты в этом процессе глубоко общественного, революционного значения чрезвычайно тяжела.

Что может быть ужаснее и преступнее тех деяний, которые инкримируются в этом процессе?

Далее защитник Зильберман делает юридический анализ ст. 67 Уголовного Кодекса. Эта статья дает лишь контуры к определению понятия активной борьбы.

Что активнее—закон министра или сигнал горниста? Нужно вложить более ясное понятие.

Какие должности можно считать ответственными при царском строе? Каждая должность сопряжена с ответственностью постольку, поскольку она имеет свое определенное назначение, мы считаем ответственными всех—от командира до опустившего флажек. В статье 67 иное содержание—активным считается тот, кто приказал, или в чьих руках инициатива. Таким образом, по ст. 67 должно судить тех должностных лиц, в руках которых находилась инициатива. Они явились столпами того царского строя, той машины, которую держали за нитки.

По поводу обвинительного заключения защитник указывает, что оно было построено не столько на показаниях свидетелей, сколько на противоречиях в показаниях подсудимого. Для защиты не ясна еще та картина казни, которую набросал обвинитель.

Делая оценку показаниям свидетелей, правозащитник разделяет их на три группы: 1-я—те, которые не были допрошены, 2-я—Мельников и Залесский и 3-я—остальные свидетели.

Залесский показал, что фамилию Ставраки в списках судей он не встречал. Авторитетное раз'яснение дал председатель суда о составе военно-полевых судов, но речь идет о военно-морском, туда младшие чины никогда не назначались, Мельников же утверждает противоположное—что Ставраки был членом суда.

Один свидетель из третьей группы—молчаливый. Но он помнит, что дострелил Антоненко кто-то из уходивших ярдов. Кто же достреливал? Показания Гедримовича—он сам ответил, сколько человек нужно для пушек Гочкиса—всего 12. Разве трудно было привести судно в боевую готовность? А версия „для связи"? Нужна была или нет? Находясь в каюте, Гедримович не видел, подошло ли судно к острову. Где протокол казни?

Обвинитель на процессе сделал два сюрприза: обвинительные материалы по делу Шмидта и листок эсеров. Кто мог поручиться, что у него не было еще третьего—протокола? Вспомните, как Федотов колебался—может быть, и подписывал акт. А Ставраки прямо и гордо ответил суду: „Нет, не подписывал".

Защита не касается характеристики личности Ставраки.

Пусть она довольно подозрительна, темна. Но все-таки защита не находит, что имеется в судебном материале столько бесспорных доказательств, чтобы решить, что он, Ставраки, командовал расстрелом Шмидта. Доктор Федотов мог бы пролить свет на эту картину, но он остался молчаливым. Какова же была картина казни?

Увы! Защита считает, что нарисовать ее теперь чрезвычайно трудно. Подавление мятежа рисуется для защиты более ясной картиной. Приказы командира передаются через горниста—так показал Гедримович. Он не видел, где стоял Ставраки и принимал ли активное участие, и лишь рассказывает о положении по уставу.

Гедримович подтверждает то же, что и другие, что „Терцу" был дан приказ „стрелять по судам, выходящим из бухты на рейд", но не было приказано открыть огонь для подавления восстания.

Об'является перерыв до следующего дня.

Третий день процесса.

Речи защиты.

Тов. Зильберман продолжает свою речь. От оценки свидетельских показаний он переходит к документам, приобщенным к делу. Обвинительный материал по делу Шмидта,—это вырезки из газеты,—не может иметь характера точного исторического документа. Заметка в листке с.-р. тоже могла быть инспирирована с агитационной целью, она не имеет фактической подкладки. О фразе: „Миша и т. д.“, защитник высказывает предположение, что ее мог произнести не только Шмидт, но и Частник. Д-р Федотов слышал какие-то крики. Защитник усматривает противоречие в словах обвинителя,—если бы Шмидт выгнал из комнаты накануне Ставраки, то на другой день не обратился бы к нему с такой фразой, произнесенной в мягкой форме.

Защитник все-таки не уясняет роли Ставраки на о. Березани, но не считает ее активной, то-есть такой, чтобы тут он проявил какую-то инициативу. Но то, что он был на похоронах—факт, он точно определил расположение гробов—три и один. Как тип—Ставраки вызывает отрицательное отношение.

В личности его мало приятного. Но есть доказательство и обратного свойства: команда относилась к нему хорошо. Если он вступил в партию, то по совету, но не для занятия ответственных должностей.

Защитник просит суд применить к подсудимому наказание по 68 и 16 ст. Уголовного Кодекса, как за пособничество, ибо активного участия в инкриминируемых ему преступлениях Ставраки не принимал.

Речь правозащитника тов. Портнова.

— Из столкновения двух мнений рождается правда,—говорит тов. Портнов,—и этой правды ждет не только эта аудитория, но и гораздо большая. Процесс исторической важности.

Кто Ставраки?

Защитник пытается дать характеристику личности подсудимого. Худший ли тип того времени изображает Ставраки? Отдельные моменты его жизни свидетельствуют, что не все еще у него погибло.

Настолько ли он неисправим и вреден, что не может существовать рядом с нами? Если его многие поступки создают отрицательное впечатление, все же его существование мыслимо возможным.

Защитник приводит светлые штрихи из прошлого Ставраки: хорошее отношение к нему команды, аполитичность, смелая попытка бросить упрек адмиралу.

Активный участник или палач?

Защитник не видит в следственном материале железных доказательств активного участия Ставраки в самом акте расстрела, хотя его роль на месте казни защите и непонятна. Мост построен обвинителем на железных сваях. „Ни шагу с моста, иначе катастрофа“. Как происходила картина расстрела?—Трудно нарисовать.

В событиях 15 ноября—за что судить Ставраки, за то, что стрелял, или пассивно стоял?

Грехи прошлого.

В своем маленьком грехе—выпил одну-две бутылки спирта—он сам повинился. Для чего вступил в РКП? Вряд ли, чтобы занимать ответственные должности. Должность смотрителя довольно скромная.

Затем защитник говорит по поводу призыва обвинителя к суду—„вспомним клятву“. Он ссылается на речь тов. Калинина на третьем с‘езде работников советского суда, им Калинин заявил, что первые два периода революции—военного коммунизма и „чекистский“—прошли и что наступил теперь третий период—революционной законности, когда каждый гражданин может быть уверен, что он понесет наказание за то преступление, которое будет доказано в официальном судебном заседании при свете дня, при открытых дверях. Мы—в этом периоде. Революционному суду дано тяжелое право—карать и высокое—миловать.

Просьба о снисхождении.

Пусть суд не забудет, что перед ним живой человек.—Явите миру сегодня высокую судейскую мудрость, скажите, что при данных условиях вы дадите существовать Ставраки, что он не проявил той неисправимости, которая заставляла бы говорить о его физическом уничтожении.

— Нет железных доказательств,—заканчивает свою речь защитник,—что подсудимый стрелял на „Терце“, убивал на о. Березани.—Если так, то сохраните ему жизнь.

Ответная речь государственного обвинителя.

— В чем задача защиты?—спрашивает тов. Межин.

Конечно, не защищать во что бы то ни стало, а дать историческую оценку событий, помочь суду разобраться в следственном материале. Эта же задача и представителя обвинения.

Есть доказательства.

Тов. Межин считает, что в деле достаточно прямых улик но не мало и косвенных, которые он отметил.

Защита считает, что активное участие не может быть доказано, раз нет протокола расстрела. А имеющихся прямых улик недостаточно? Их нельзя опорочить. А подавление восстания „Терцем“? Разве нет в историческом документе—речи Ронжина—факта, что „Терцу“ было приказано открыть огонь? Как смеет говорить защита, что подпольный листок эсеров в 1906 году указывал на Ставраки лишь в агитационных целях? Кто дает вам право говорить таким образом о нашей дореволюционной, нелегальной пропаганде? Защита считает недостаточно ясной нарисованную обвинением картину. Пусть она опровергнет эту картину и нарисует свою. Почему она этого не сделала?

Шмидт простил врагам, но...

Защита видит противоречие в том, что накануне дня казни Шмидт выгнал Ставраки, а на месте казни сказал ему эту фразу „Миша“—тоном прощения.

Трудно здесь, на суде, развернуть всю психологию человека, который идет на казнь. Это состояние казнимого знает только тот, кто казнен и—увы—передать не может. Но история правдоподобна.

Она нам указывает, что этот мученик был великодушен. В истории сохранился факт, указывающий, что этот герой прощал всем своим палачам, кроме истязавшего его Каркаса.

И этот предсмертный возглас к палачу—„целься прямо в сердце“—вполне правдоподобен.

Но могут сказать:—Шмидт простил своему палачу, а вы требуете его казни.

Не простила им история.

Но история не простила этого палача!—восклицает обвинитель.—Ведь выстрел в Шмидта был выстрелом по первой русской революции.

История и рабочий класс, до тех пор, пока коммунистическое красное знамя не взовьется над всем миром—будет этих царских палачей считать заслуживающими мести и казни.

Ставраки—палач.

Целый ряд данных—исторических и прошедших на суде—говорит за то, что Ставраки командовал расстрелом. В плане, нарисованном рукою палача, понятна роль каждого. И... только не было роли для Ставраки. Где же было его место? Неужели где-то сзади левого фланга? Нет,—это он стоял на левом фланге рот расстреливавших и командовал ими.

Он был палачом.

Невыясненным остается лишь момент,—кто докончил Антоненко. Это пока остается тайной для истории. И я не хочу грешить перед последней, бросая подозрение, но утверждаю:—кто это сделал, знает Ставраки, но только не ординарец Делунда.

Еще о фразе.

Защита высказывает предположение, что фразу эту: „Миша, прикажи своим солдатам целиться прямо в сердце" мог произнести Частник. Кого из своих товарищей солдат мог просить такой же солдат Частник, чтобы было отдано приказание? Разве тогда солдат приказывал?

Высшая мера наказания.

По поводу квалификации защитой преступлений Ставраки по ст. 68 и 16 Уголовного Кодекса обвинитель говорит, что Ставраки совершил только те преступления, которые караются по 67 статье, и заслуживает высшей меры наказания.

Разве не знал Ставраки, что конечная цель физической смерти революционеров на о. Березани—подавление первой русской революции?

Далее обвинитель разбирает определение об ответственности, данное защитой. Какие должности, каких царских слуг защита считает „активными"? А роль охранников и провокаторов разве не активная и разве они не подходят под 67 статью? Для совершенных Ставраки на „Терце" и остр. Березани преступлений, в нашем Уголовном Кодексе есть только одна статья—67-ая и никакая другая к этим преступлениям не может быть применена. На эту статью не распространяется давность. Будем судить по всей строгости законов.

Кровь за кровь.

— И я, как старый революционер, еще раз напоминаю суду о клятве нашей на могиле павших товарищей и требую мести.

Если бы нас они, эти царские слуги, свергнули, разве бы они проявили к нам чувство гуманности. Они так же бы мстили, как и мы. И я, если бы очутился в этот миг жертвою перед ними—сказал: „Мстите. Вы правильно поступили".

И вас бы, товарищи—судьи, тогда не пощадили царские слуги. —

Обвинитель поддерживает также обвинение в преступлениях должностных по 108 статье Уголовного Кодекса, характеризующих личность подсудимого.

Есть моменты незабываемые.

Обвинитель еще раз дает оценку свидетельским показаниям и напоминает о „забывчивости" Федотова.

— Есть моменты незабываемые. Я через семнадцать лет могу вспомнить их в полной яркости и ясности,—мне приходилось видеть из окна тюрьмы, как казнили моих товарищей, и я этого никогда не забуду. И я не верю врачу Федотову что он забыл. Он помнит все. И, как участник, из чувства самосохранения,—скрывает.

Но достаточно улик и в других свидетельских показаниях. И неправильна точка зрения защиты, что картина неясна, она грешит перед историей.

Обвинитель напоминает последние слова, сказанные перед морским судом казненным революционером Частником.

— Этих слов мы не забудем,—в заключение говорит тов. Межин,—и свою клятву на могилах павших товарищей будем свято исполнять.

Ответная речь защиты.

Первым говорит правозащитник т. Портнов.

Он, так же как и обвинитель, считает, что задача сторон не обвинить или защищать „во что бы то ни стало", а помочь суду разобраться во всем следственном материале, дать его оценку, выявить историческую картину событий.

Собранных улик—защита считает все-таки мало, чтобы развернуть перед судом события во всей их исторической перспективе, чтобы считать Ставраки командиром роты, расстреливавшей Шмидта и других революционеров. Д-р Димитриадис — тоже с „Терца" и в противовес Гедримо-

вичу утверждает, что с „Терца“ было послано не 48, а 18 человек команды — одно отделение, — в распоряжение Радецкого. Федотов говорил, что, когда он ехал на место казни с Радецким, с ними тоже ехала команда. Фразу „Миша, прикажи своим солдатам стрелять“ — кто ее лично слышал из свидетелей? Сказать, что доказано, что эта фраза была обращена к Ставраки, — защита не может. Другие доказательства? Да разве защита обязана собирать доказательства?

Разве не в распорядительном заседании суда решается вопрос о достаточности собранных улик для того, чтобы назначить слушание дела?

Защита также не может принять за исторически точные документы—те брошюры, те газетные вырезки, которые были посвящены в свое время событиям 5—6 года.

Говоря о реплике обвинителя по поводу провокаторов и охранников, защитник напоминает суду, что недавно окончился на севере процесс одного провокатора и ему даровали жизнь.

Председатель суда тов. Ульрих раз'ясняет защитнику, что этот случай известен суду и что в данном случае суд учитывал, как смягчающее вину обстоятельство, его заслуги перед советской властью.

В заключение защитник говорит, что если защита— есть молитва о грешнике, то он просит суд даровать милость подсудимому при вынесении своего справедливого приговора.

Последним говорит тов. Зильберман. Отвечая на замечание прокурора об охранниках и провокаторах, защитник констатирует, что обвинитель, кроме примера об охранниках и провокаторах, не дал более авторитетного указания, какие должности при царском строе он считает ответственными и чьи роли активными. Защита считает каждую должность ответственной и каждую роль активной, поскольку в них вкладывается инициатива. В чьих руках инициатива, тот и несет кару. Поскольку провокатор проявлял свою инициативу, постольку он должен и отвечать.

Много в поступках Ставраки темного и непонятного, но активным участником событий защита его не считает, по ее мнению, он был только сообщником.

Если говорить об ответственности за события 15 ноября, то почему не ответственны Гедримович, Димитриадис, которые тоже были на „Терце“, а только старший офицер Ставраки, который не командовал?

В расстреле Шмидта Ставраки, несомненно, какую-то роль играл, но защита не смеет толковать, что ей его роль ясна.

Если он виновен как классовый враг, если в его прошлом много темных пятен, если он участник и в подавлении восстания и в казни Шмидта, то пусть ему дадут наказание по заслугам.

Но деяния Ставраки защита не считает возможным квалифицировать как преступления, предусматриваемые 67 статьей Уголовного Кодекса, а лишь 68 и 16 (пособничество).

— Пусть отвечает по всей строгости революционного закона,—говорит защитник,—но только за то, что сделал.

В заключение защитник отмечает тот факт, что Ставраки не скрывал своей фамилии. Если бы он совершил то гнусное преступление, которое ему инкриминируют, разве он не мог переменить фамилию и скрыться за границу, чтобы ускользнуть от карающей руки правосудия?

— За вами последнее слово, товарищи судьи,—заканчивает свою речь защитник.

Прения сторон окончены.

Председатель суда тов. Ульрих предлагает подсудимому сказать свое последнее слово.

Последнее слово подсудимого.

— Граждане-судьи,—приподнимаясь, говорит Ставраки, внятно и спокойно,—на эти свои слова я смотрю, как на последнюю исповедь. Говорить много нечего. Я представлял из себя при царском режиме маленький, незначительный винтик громадного аппарата. Когда власть заколебалась, в борьбе классовой я не участвовал. Не пошел ни за белыми, ни за контр-революционерами. Имея полную возможность скрыться, получить за границей хорошее место, я не покинул того народа, молоком которого я питался. Никакая судебная ответственность не заставила меня покинуть ряды граждан РСФСР. Я не боюсь красного тумана смерти. Вернувшись с русско-японской войны инвалидом, с девятью ранами и тремя контузиями, неужели я не привык смотреть смерти в глаза? Я уже одной ногой в могиле. Еще раз заявляю, что активной роли не играл и руки от братской крови у меня чисты. Предоставляю себя вашему справедливому воздействию и усмотрению.

Так же спокойно подсудимый садится на свое кресло.

В четыре часа суд удаляется на совещание.

В 20 час. 40 минут об'является приговор.

Приложение.

ПРИГОВОР

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Выездная сесия Военной Коллегии Верховного Суда РСФСР в составе Председателя т. Ульриха и Членов т. т. Никифоровского и Севастьянова, рассмотрев в открытом судебном заседании 1, 2 и 3 апреля 1923 г. в г. Севастополэ дело по обвинению б. начальника Управления по обеспечению безопасности кораблевождения Батумского Укрепленного района и смотрителя Батумских Маяков Черного Моря Ставраки Михаила Михаиловича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 67 и 108 Уг. Кодекса, проверив данные предварительного следствия, заслушав показания подсудимого Ставраки и свидетелей гр. Федотова, Димитриадиса, Гедримовича, Мельникова и Залесского, а также прения сторон в лице Государственного Обвинителя т. Межина и защитников гр. Зильбермана и Портнова, нашла судебным следствием установленным:

В дни восстания моряков Черноморского флота, руководимого П. П. Шмидтом, С. Частником и другими, 15 ноября 1905 г. канонерская лодка „Терец", старшим офицером коей был старший лейтенант Ставраки, заняв стратегически выгодную позицию в Южной бухте Севастопольского рейда, после предложения командира „сойти на берег" всем сочувствующим восстанию морякам при попытке катера „Пригодный" выйти из Южной бухты и присоединиться к восставшему флоту, открыла артиллерийский огонь и потопила катер. Это потопление явилось сигналом для обстрела всех восставших судов Черноморского флота и привело к полному жестокому подавлению восстания. Во время ликвидации этого восстания многие моряки были расстреляны при попытке спастись вплавь, а руководители—Шмидт, Частник и много других были арестованы и преданы военно-морскому суду. Приговором Севастополь-

ского Военно-Морского Суда 17 февраля 1906 г. П. П. Шмидт, С. П. Частник, А. Г. Гладков и Н. П. Антоненко были приговорены к смертной казни. Несколько дней спустя, командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин, вызвав к себе старшего офицера к/л „Терца" Ставраки, спрашивал последнего о настроении команды „Терца". 4 марта 1906 г., получив приказ, к/л „Терец", имея на борту военно-морского прокурора Ронжина, председателя суда Александрова с представителями жандармов и с тем же ст. офицером Ставраки, вышла в море, держа курс на Очаков. Подойдя к Очакову, „Терец" бросил якорь возле т/с „Прут", на котором содержались в заточении осужденные к смертной казни Шмидт и трое его товарищей. В тот же день Ставраки совместно с прокурором Ронжиным и врачем „Прута" Федотовым, произвели врачебную экспертизу осужденного Шмидта, и, несмотря на явные признаки тяжелой болезни, признали возможным приведение в исполнение казни немедленно. В ночь на 6 марта 1906 г., по приказанию и выбору того же Ставраки, с подошедшего к месту казни острову Березань к/л. „Терец" была высажена на берег команда матросов с четырьмя офицерами Сухомлиным, Бойченко, Слупским и Бужинским под общим руководством Ставраки. Прибыв на место казни и разбив команду на четыре взвода по числу осужденных, Ставраки стал ждать доставки с „Прута" осужденных. Одновременно с командой „Терца" прибыли на остров Березань: сводная команда из наиболее благонадежных частей Очаковского гарнизона, занявшая место позади команды с „Терца", а также представители прокуратуры, суда, жандармов и командир „Прута" Радецкий, принявший на себя общее руководство сводным отрядом, часть которого должна была расстрелять осужденных. По прибытии последних на остров Березань, они были привязаны к заранее приготовленным четырем столбам, и на рассвете 6 марта команда „Терца", расставленная повзводно перед каждым из осужденных, под общей командой Михаила Ставраки, при выкрике Шмидта, его бывшего школьного товарища: „Миша, прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце", одним залпом из винтовок лишила жизни Петра Петровича Шмидта, Александра Григорьевича Гладкова, Сергея Петровича Частника. Оставшийся в живых, вследствие растерянности стрелков, Никита Петрович Антоненко был дострелен выстрелом из револьвера одним из участников казни, следствием не установленным. Будучи произведен через месяц после казни в капитаны 2 ранга, Ставраки свою „верную" службу продолжал в Черноморском флоте, а в годы империалистической войны занимал должность помощника военного

губернатора тыловой базы Мариупольского района, в каковой должности пробыл до февральской революции, а весной 1917 г. был назначен адмиралом Колчаком на ответственную должность в его штабе. В том же 1917 г. Ставраки, по распоряжению Центрофлота, был назначен начальником обороны и командиром брандвахты, где и оставался служить на разных командных должностях, как при английской оккупации, так и при грузинском правительстве меньшевиков. По установлении Советской власти весной 1921 г. тот же Ставраки там же в Батуме, в целях личной выгоды, проник в кандидаты РКП (б), скрыв свое прошлое и лишь при чистке партии был исключен как балласт. В том же 1921 г. Ставраки получил назначение Начубеко Бур'а и смотрителем маяков и за время состояния в последней должности, в течение времени с марта 1922 г. по день ареста 29 июня того же года, проявил преступную халатность, следствием чего была растрата спирта и керосина, отпускавшихся на освещение маяков, каковые однако не освещались за весь указанный промежуток времени, при чем не велось никакого учета расходуемых из склада маяков материалов.

Таким образом, устанавливается виновность Ставраки в том: 1) что, занимая ответственные должности в Черноморском флоте и состоя старшим офицером к/л „Терец", в ноябре 1905 г. принимал активное участие в вооруженном подавлении революционного восстания моряков того же флота, а 6 марта 1906 г. во главе команды того же „Терца" командовал расстрелом руководителей восстания моряков Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. 67 УК и 2) использовывая доверие Советской власти и скрыв свое прошлое, и, занимая должность смотрителя маяков Батумского района, проявил в корыстных целях преступную халатность, выразившуюся в неведении отчетности в целях сокрытия растраты вверенного ему имущества, т.-е. совершил преступление, предусмотренное ст. 108 УК. На основании изложенного Выездсессия приговорила: Ставраки Михаила Михаиловича 56 лет, бывшего потомственного дворянина, сына адмирала, окончившего Морскую Академию Генштаба, по ст. 67 УК и руководствуясь 1 ч. 58 ст. УК, к высшей мере наказания с конфискацией его имущества, а по ст. 108 УК и руководствуясь ст. 105 ч. 2 того же УК, подвергнуть лишению свободы сроком на три года со строгой изоляцией с зачетом предварительного заключения с 29 июня 1922 г. и с поражением прав на пять лет, а по совокупности преступлений, на основании ст. 30 УК—расстрелять, с конфискацией имущества.

Вследствие тяжести совершенных преступлений амнистии предыдущих лет не применять.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Судебные издержки отнести за счет государства.

П. п. Председатель **Ульрих.**

Члены: **В. Никифоровский** и **В. Севастьянов.**

3/IV-23 г. 20 ч. 40 м.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кооперативное издательство „Жизнь и Знание".

Москва, Лубянский пассаж, помещ. № 51. Тел. 5-04-54.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1. **В. М. Бонч-Бруевич. (Величкина). Песни Революции,** с нотами. Предисл. Влад. Бонч-Бруевича. Изд. 3-е Цена 5 к.

№ 2. **Авг. Бебель. Христианство и социализм.** Ответ священнику Гогофу. Перевод Л. Мандельштам (Кручининой). С заметкой от редакции Влад. Бонч-Бруевича. Издание 3-е. Цена 8 к.

№ 3. **В. М. Бонч-Бруевич. (Величкина). О священных книгах.** С предисловием и примечаниями Влад. Бонч-Бруевича. Издание 2-е. Цена 8 коп.

№ 4. [illegible] (Баня и Н. А. [illegible]крас[illegible]ва). Цена 3 коп.

№ 5. **В. М. Бонч-Бруевич. (Величкина). Борец за свободу.** Вильгельм Вейтлинг. Биографическ. очерк. Издание 4-е. Цена 3 коп.

№ 6. **А. Форель. Спиртные напитки, как причина сумашествия.** (Алкоголь и душевные расстройства). Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 5-е. Цена 5 коп.

№ 7. **Демьян Бедный. С арым людям на послушанье, молодым на поученье.** Издание 2-е с 8 рисунками и обложкой художника В. В. Спасского. Цена 8 коп.

№ 8. **Демьян Бедный. Земля обетованная.** Издание 2-е с 36 рисунками и обложк. художн. Апсида. Цена 15 коп.

№ 9. **Демьян Бедный. Проклятье.** С 25 рисунками художников А. Комарова и В. В. Спасского. Обложка художника В. В. Спасского. Цена 15 коп.

№ 10. **Влад. Бонч-Бруевич. „Живая церковь" и пролетариат.** Издание 3-е. Цена 20 коп.

№ 11. **Влад. Бонч-Бруевич. Сохраняйте архивы.** Издание 2-е. Ц. 3 к.

№ 12. **Анатоль Франс. Уличный торговец.** Перевод с французского В. М. Бонч-Бруевич (Величкиной). Издание 2-е. С 5 рисунками художника И. Гурьева. Цена 15 коп.

№ 13. **Отто Рунк. Хирург.** Перевод с немецкого В. М. Бонч-Бруевич. (Величкиной). Издание 2-е. С 3 рисунками художника И. Гурьева. Цена 10 коп.

№ 14. **В. М. Бонч-Бруевич. (Величкиной). Друг детей.** Расказ о замечательном швейцарском учителе Генрихе Песталоцци. Издание 6-е. С 4 рисунками. Цена 8 коп.

№ 15. **Ц. С. Гурьевич (Самойлова). Спартак, предводитель римских гладиаторов.** С 20 рисунками художника Гурьева. Издание 3-е. Ц. 60 к.

№ 17. **Вильгельм Либкхнехт. Пауки и мухи.** Издан. 3-е. Цена 7 коп.

№ 18. **Влад. Бонч-Бруевич. Кривое зеркало сектантства.** (По поводу 1-го Всероссийского с‘езда сектантских сельско-хозяйственных и производственных об‘единен.). Цена 8 коп.

№ 20. **Е. П. Радин. Памятка первой помощи в школе пионер-отряде, на фронте и в тылу.** С 10 рисунками в тексте. Издан. 3-е. Ц. 10 к.

№ 21. **Черные пастыри.** Сборник стихотворений Демьяна Бедного, В. Жуковского, Д. Мережковского и А. Хомякова. С рис. и обложк. худ. И. И. Смукровича. Цена 10 к.

№ 22. **Е. П. Радин. Здоровье в твоих руках через физическую культуру.** Цена 10 коп.

№ 26. **С. И. Гусев-Оренбургский. Маленький Павлюк.** С 3-мя рисунк. худ. И. Гурьева. Издание 3-е. Цена 20 коп.

№ 31. **С. Т. Семенов. Внизу.** С 3-мя рисунками художника И. Гурьева. Издание 2-е. Цена 20 коп.